



18+

MAGIC IS A DRUG

«Сравнивать "Волшебников" и "Гарри Поттера" — все равно, что сравнивать ирландский виски и слабо заваренный чай... Хогвартс никогда не был таким».

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

The Magicians

ВОЛШЕБНИКИ

ЛЕВ ГРОССМАН

По мотивам книги выходит сериал «Волшебники»

Волшебники. The Magicians

Лев Гроссман

Волшебники

«АСТ»

2009

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гроссман Л.

Волшебники / Л. Гроссман — «АСТ»,
2009 — (Волшебники. The Magicians)

Квентин Колдуотер – бруклинский старшеклассник, математический гений. Но по какой-то причине он не чувствует себя счастливым, как будто в его жизни вечно чего-то не хватает... Когда Квентин неожиданно попадает в частный колледж магии Брекбиллс, ему кажется, что все мечты разом сбылись. Однако волшебная страна из детских фантазий на поверку оказывается гораздо более опасным местом, чем он когда-либо мог себе представить...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гроссман Л., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Книга I	6
Бруклин	6
Брекбиллс	14
Элиот	22
Магия	29
Снег	34
Пропавший мальчик	41
Физики	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лев Гроссман Волшебники

Lev Grossman
The Magicians

© Lev Grossman, 2009

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается Лили

*А там – сломаю свой волшебный жезл
И схороню его в земле. А книги
Я утоплю на дне морской пучины,
Куда еще не опускался лот.*

В. Шекспир, «Буря»¹

¹ Пер. М. Донского.

Книга I

Бруклин

Никто не заметил, что Квентин проделал фокус. Они шли по неровному тротуару втроем: Джеймс, Джулия, Квентин. Джеймс и Джулия держались за руки – вот оно как теперь. Все в ряд не уместались, поэтому Квентин плелся сзади, точно непослушный ребенок. Он предпочел бы идти только с Джулией или уж вовсе один, но не все получается как ты хочешь – так, по крайней мере, говорят факты.

– Эй, Кью! – бросил через плечо Джеймс. – Давай-ка обговорим стратегию.

Он, похоже, шестым чувством определял, когда Квентин начинает себя жалеть. У Квентина собеседование через семь минут, у Джеймса – сразу за ним.

– Твердое рукопожатие. Смотреть прямо в глаза. Когда он проникается к нам доверием, ты бьешь его стулом, а я раскалываю пароль и отправляю мейл в Принстон.

– Просто будь собой, – посоветовала Джулия.

Ее темные волосы стянуты сзади в волнистый хвост. Она всегда с ним мила, и от этого ему почему-то еще хуже.

– Да какая разница, что говорить.

Квентин снова проделал фокус. Совсем простой, с пятицентовиком. В кармане пальто, где никто не мог видеть. Туда и обратно.

– Есть одна догадка насчет пароля, – сказал Джеймс. – «Пароль».

Просто невероятно, как долго все это тянется. Им всего по семнадцать, но чувство такое, будто он знает Джеймса и Джулию вечно.

Бруклинская школьная система стремится выделять одаренных детей, а из одаренных вылушивает юных, так сказать, гениев. Вследствие этого они трое без конца сталкивались на риторических состязаниях, региональных экзаменах по латыни и в крошечных, супер-продвинутых математических классах. Из зубрилок зубрилки, чего уж там. К выпускному классу Квентин знал Джеймса и Джулию лучше всех на свете, не исключая родителей, и они тоже знали его как облупленного. Каждый из них предвидел, что скажет другой, не успевал тот еще рта раскрыть, и с сексом тоже определились. Джулия – бледная, веснушчатая, мечтательная, играющая на гобое и разбирающаяся в физике еще лучше Квентина – никогда не будет с ним спать.

Квентин, высокий и тонкий, по привычке сутулился – ведь все направленные с неба удары, по логике, поражают в первую очередь самых длинных. Волосы длиной до плеч так и остались мокрыми после физкультуры и душа. Перед собеседованием их следовало бы высушить, но он почему-то – в приступе автосаботажа, что ли, – не сделал этого. Низкое серое небо грозило снегом, и мир персонально для Квентина показывал невеселые кадры: ворон на проводах, растоптанное собачье дерьмо, гонимый ветром мусор и бесчисленные трупы дубовых листьев, попираемые транспортом и пешеходами.

– Вот пузо набил, – пожаловался Джеймс. – И почему я всегда обжираться?

– Потому что ты прожорливый свин? – предположила Джулия. – Потому что на собственные ноги надоело смотреть? Потому что хочешь дорастить пузо до пениса?

Джеймс запустил руки в каштановые кудри на затылке, подставив распахнутую грудь верблюжьего пальто ноябрьскому холоду, и громко рыгнул. На него холод не действовал, а Квентин мерз постоянно, точно застряв в какой-то личной зиме.

– Был один паренек в старину

По имени Дэйв-о,

Он добрый меч носил на боку

И ездил на добром коне-о, – запел Джеймс на мотив «Короля Венцесласа» или, возможно, «Бинго».

– Ой, нет! – крикнула Джулия.

Джеймс написал эту песенку пять лет назад к школьному смотру талантов, и все они успели выучить ее наизусть. Джулия пихнула певца на мусорный бак, а когда это не помогло, сорвала с него шапку и стала лупить ею по голове.

– Моя прическа! Специально для собеседования!

Король Яков, подумал Квентин. *Le roi s'amuse*².

– Не хочу быть занудой, – сказал он, – но у нас в запасе всего две минуты.

– Боже мой! – ужаснулась Джулия. – Герцогиня! Мы опаздываем, опаздываем!

Мне полагается быть счастливым, подумал Квентин. Я молод, здоров. Родители, тьфу-тьфу, тоже ничем особенно не болеют. Папа редактирует медицинские учебники, мама – рекламный художник (просто художник, поправила бы она). У меня хорошие друзья. Я прочно вхожу в середку среднего класса. Средний балл у меня такой, что большинство вообще не поверило бы, что он таким может быть.

И все же Квентин, шагая по Пятой авеню Бруклина в черном пальто и сером парадном костюме, счастливым себя не чувствовал. Почему так? Он собрал все необходимые ингредиенты, тщательно исполнил ритуал, произнес слова, зажег свечи, совершил жертвоприношение – но счастье, словно капризный дух, не пожелало явиться. Непонятно, чем еще можно его приманить.

Они шли мимо винных погребков, прачечных-автоматов, бутиков, сияющих неонem салонов связи; мимо бара, где старики уже выпивали, несмотря на раннее, три сорок пять, время; мимо коричневого Дома Ветеранов зарубежных войн с выставленной на тротуар пластмассовой мебелью. Все лишь укрепляло веру Квентина в то, что реальная жизнь должна быть совсем не такой. Космическая бюрократия поднапутала и подсунула ему эту дерьмовую замену.

Может, в Принстоне что-то исправится. Квентин повторил фокус с никелем.

– Играешься со своей волшебной палочкой? – осведомился Джеймс.

– Ни с чем я не играюсь, – вспыхнув, пробурчал Квентин.

– Стыдиться нечего, – хлопнул его по плечу Джеймс. – Это прочищает мозги.

Сквозь тонкую ткань костюма проникал ветер, но Квентин так и не застегнул пальто. Все равно по-настоящему он был не здесь, а в Филлори.

«Филлори» Кристофера Пловера, серия из пяти романов, издавалась в Англии с 1935 года. Пятеро братьев и сестер по фамилии Четун попадают в волшебную страну, которую открывают случайно, проводя каникулы в доме своих эксцентричных дяди и тети. Гостят они там не совсем добровольно: отец у них сражается при Пашендейле³, по пояс в грязи и крови, а маму уложили в больницу с какой-то загадочной нервной болезнью – вот детей и отослали в деревню.

Впрочем, эти несчастливые обстоятельства остаются где-то на заднем плане. Каждое лето, три года подряд, дети съезжаются из своих школ-интернатов в Корнуолл. Там они возвращаются в тайный мир Филлори, исследуют свою волшебную страну и защищают ее добрых обитателей от всевозможных злых сил. Самый упорный их враг – некая Часовщица, угрожающая заморозить само время и навсегда остановить Филлори на пяти часах особо дождливого сентябрьского дня.

² Король развлекается (*фр.*).

³ У бельгийской деревни Пашендейль в 1917 году происходило одно из самых крупных сражений Первой мировой войны.

Квентин, как все, прочел «Филлори» в младших классах, но в отличие от всех – например Джеймса и Джулии, – так и не переболел этой сказкой. В ней он спасался от реального мира; в ней находил утешение от безнадежной любви к Джулии – хотя как раз из-за них она, возможно, и не смогла его полюбить. Там, конечно, много детского, малышowego. Взять хоть Лошадку: ночью она трусит по Филлори на бархатных копытцах, а спина у нее такая широкая, что на ней можно спать.

Но там есть и другое, взрослое. Можно сказать, что «Филлори» – особенно первая книга, «Мир в футляре часов», написаны о чтении как таковом. Старший Четун, меланхолический Мартин, проникает в Филлори через футляр больших напольных часов (Квентин живо представлял себе, как он протискивается мимо маятника, похожего на язычок в чьем-то чудовищном горле). Делая это, он открывает книгу, которая, не в пример другим книгам, честно выполняет свое обещание перенести тебя в иной, лучший, мир.

Как раз в таком мире – черно-белом, словно печатная страница, – оказывается Мартин. На полях стерни, на холмах – древние каменные стены. Каждый день там происходит солнечное затмение, а времена года могут длиться лет сто. Деревья стоят голые, бледно-зеленое море набегаёт на узкие белые пляжи, усыпанные битыми ракушками. В Филлори все значительнее, чем в нашей реальности. Там ты испытываешь подлинные эмоции. Счастье вполне достижимо и приходит по первому зову – или, вернее, просто не покидает тебя.

Тем временем они уже подошли к нужному дому. Тротуары здесь были пошире, вдоль них стояли развесистые деревья, а само кирпичное здание было единственным особняком в ленточной застройке квартала. Победив в кровавой, дорогостоящей Бруклинской битве, оно ненавязчиво напоминало современному окружению о Старой Голландии.

Будь это одна из книг «Филлори», внутри такого дома определенно нашлась бы потайная дверь в другой мир. После загадочных подсказок его хозяина, эксцентричного старичка, Квентин непременно наткнулся бы на старые часы, кухонный лифт или нечто другое, служащее входом в иную реальность... но это не «Филлори».

– Выдайте им по полной, – сказала Джулия, похожая в синем пальто с круглым воротником на французскую школьницу.

– Пока. В библиотеке увидимся.

– Пока.

Она и Квентин стукнулись кулаками. Она знала, что он к ней чувствует, знала, что он знает – чего попусту молоть языком. Пока она целовала Джеймса – упершись ему в грудь ладонью и задрав ножку вверх, как в старом кино, – Квентин старательно разглядывал припаркованную машину.

Оба зашагали по бетонной дорожке к двери.

– Я знаю, о чем ты думаешь. – Крепкий Джеймс слегка заколебал высокого, но хлипкого Квентина, обняв его за плечи. – Думаешь, что никто не понимает тебя – но я понимаю. – Отец родной, да и только. – Один я, а больше никто.

Квентин промолчал. Джеймсу можно завидовать, но ненавидеть его нельзя. Он не только красивый и умный, он и добрый к тому же. Он больше всех знакомых Квентина похож на Мартина Четуина. Но если Джеймс – Мартин, кто тогда Квентин? Вот так-то. Рядом с героем ты либо наперсник, либо злодей.

Квентин позвонил, вызвавдребезжание в недрах темного дома. Допотопный какой-то звонок, подумал он, перебирая в уме свои учебные планы, целевые задачи и прочее. К собеседованию он подготовился прекрасно, разве что волосы плохо высушил – но сейчас у него пропала всякая охота с кем-то беседовать. У него всегда так: лезешь из кожи вон, чтобы чего-то добиться, а потом вдруг – раз, и не хочется ничего. Уж на это он всегда может рассчитывать.

Дверь была самая обыкновенная. По бокам от нее, вопреки всякой садоводческой логике, еще доцветали на клумбах оранжевые и пурпурные циннии. Надо же, в ноябре. За неимением перчаток Квентин увел руки глубоко в рукава и сунул под мышки. Несмотря на зверский холод, пошел почему-то не снег, а дождь.

Пять минут спустя Квентин постучался и легонько нажал на дверь. Она приоткрылась, обдав их теплым воздухом незнакомого дома.

– Приве-ет? – Квентин, переглянувшись с Джеймсом, открыл дверь во всю ширь.

– Дадим ему лучше еще минутку.

– Чем, интересно, он занимается? Педофил небось – спорим, что педофил.

Темный холл был устлан коврами. Джеймс, не входя, позвонил еще раз – никакого ответа.

– По-моему, тут нет никого. – Квентину из-за того, что Джеймс медлил на улице, еще больше захотелось войти. Если где-то тут и правда прячется волшебная страна Филлори, жаль, что он обулся так непрактично.

Слева от лестницы помещалась нежилого вида столовая, справа – уютная комнатка с кожаными креслами и резным шкафом в человеческий рост. Интересно. Половину одной стены занимала огромная мореходная карта со стилизованной розой ветров. Квентин пошарил в поисках выключателя.

Все шторы были задернуты, но темнота в доме выглядела куда плотнее, чем просто при задернутых шторах – словно солнце уже село или вовсе затмилось, как только Квентин переступил порог. Я только посмотрю и сразу назад, решил он, двигаясь, как в замедленной съемке. Темнота покалывала его электричеством.

Он вполне мог бы поместиться в этом шкафу. Квентин дрожащими пальцами взялся за медную ручку – не заперто. *Le roi s'amuse*. Это было сильнее Квентина – как будто весь мир вращался вокруг него одного, как будто он всю жизнь шел к этой минуте.

Шкаф служил баром. Квентин, просунув руку за слегка позвякивающие бутылки, ощупал заднюю стенку. Шершавая фанера и никакой магии. Тяжело дыша, с пылающим в темноте лицом, он закрыл дверцу. Оглянулся, чтобы убедиться в отсутствии посторонних глаз, и увидел на полу труп.

Через пятнадцать минут в холле закипела бурная деятельность. Квентин сидел в углу на плетеном стуле, как служащий похоронного бюро на погребении очередного клиента. Затылком он прижимался к твердой холодной стене – только она и связывала его с этой реальностью. Джеймс стоял рядом, не зная, куда девать руки. Друг на друга они не смотрели.

Старик с внушительным животом и буйной, как у Эйнштейна, гривой лежал на полу. Вокруг него суежилась бригада «Скорой помощи», двое мужчин и женщина – слишком красивая и потому казавшаяся здесь неуместной. Видно было, что они не спасают жизнь, а выполняют необходимую процедуру. Вскоре они закончили, отлепили наклейки, сложили использованные шприцы в специальный контейнер.

Один парамедик привычно выдернул интубационную трубку. В открытом рту старика виднелся мертвый серый язык; от покойника слабо, но явственно пахло дерьмом.

– Плохо дело, – не в первый раз вымолвил Джеймс.

– Куда уж хуже. – У Квентина онемели губы и зубы. Главное, не шевелиться – тогда его не втянут во все это еще глубже. Дышать медленно, сидеть смирно. Не смотреть, что там у них происходит. При взгляде на Джеймса он попросту увидит свое отражение в бесконечном коридоре паники, который никуда не ведет. Интересно, когда они смогут уйти? Стыд из-за того, что он вошел в дом без приглашения, не отпускал его до сих пор – как будто именно это и привело к смерти хозяина.

– Зря я обозвал его педофилом, – посетовал Квентин.

– Конечно, зря. – Оба они говорили медленно, точно на разговорной практике по иностранному языку.

Парамедичка встала, подержалась за поясницу, покрутила головой и объявила весело, стягивая резиновые перчатки:

– Умер! – Судя по акценту, она была англичанкой.

Квентин прочистил горло. Женщина точным броском отправила перчатки в мусорную корзину.

– Отчего умер? Что с ним случилось?

– Кровоизлияние в мозг. Хорошая смерть, быстрая. Похоже, он сильно пил. – Свое предположение она сопроводила щелчком по горлу.

От долгого сидения на корточках она раскраснелась. Ей было от силы двадцать пять, одна пуговица на ее темно-синей глаженной рубашке не подходила к другим. Стюардесса рейса, следующего в ад. С некрасивыми прощ: не приходится думать, что они для тебя недоступны, но эта просто бессовестно хороша. Бледная, тонкая, с большим, до нелепости сексуальным ртом.

– Мне очень жаль. – Квентин не знал, что говорить в таких случаях.

– Почему? Ведь не ты как будто его прикончил?

– Мы даже знакомы не были. Я пришел на собеседование – он брал интервью у кандидатов на обучение в Принстоне.

– О чем же тут сожалеть?

Вероятно, он взял неправильный тон. Квентин встал, что следовало бы сделать сразу, как только она подошла. Он был намного выше ее. Слишком много она берет на себя – парамедики ведь не настоящие доктора. Прочитать бы ее именную табличку, но она, чего доброго, сочтет, что он смотрит на ее грудь.

– Я сожалею не о нем конкретно, а о человеческой жизни. Я не знал его, однако его смерть вызывает у меня сожаление.

– А что, если он в самом деле был педофилом?

Значит, она слышала, что он сказал.

– Может быть. Возможно также, что он был хороший человек. Просто святой.

– Все может быть.

– Вы, наверно, часто имеете дело с мертвыми. – Краем глаза Квентин видел обалдевшего от их диалога Джеймса.

– Вообще-то желательно, чтобы пациенты не умирали – так нам, во всяком случае, говорят.

– Трудно это, должно быть.

– С мертвыми хлопот куда меньше.

– Ну да... спокойнее.

– Точно.

Выражение ее глаз не совпадало с тем, что она говорила. Женщина изучала его.

– Мы пойдем, пожалуй, – вмешался Джеймс.

– Куда так спешить? – Она упорно смотрела на Квентина – ее, в отличие от подавляющего большинства населения, он интересовал больше, чем Джеймс. – По-моему, он что-то для вас оставил. – Она взяла с мраморного столика два больших плотных конверта.

– Вряд ли, – нахмурился Квентин.

– Мы пойдем, – повторил Джеймс.

– Ты уже предлагал это.

Джеймс открыл дверь на улицу. Холодный воздух приятно напоминал о реальности – именно то, что Квентину было нужно.

– Нет, серьезно, возьмите. Вдруг там что-нибудь важное.

Она просто глаз с него не сводила. Вокруг становилось сыро, в десяти ярдах от него лежал труп.

– Послушайте, нам правда надо идти, – сказал Джеймс. – Спасибо вам. Уверен, вы сделали все возможное.

Темные волосы парамедички были заплетены в две косы. На руке она носила желтое эмалевое кольцо и серебряные часы старинного вида. Нос и подбородок у нее были маленькие и острые. На конвертах, которые этот бледный ангел смерти держал в руках, были написаны черным фломастером их фамилии. Там могли быть досье, конфиденциальные рекомендации. Квентин взял свой конверт – потому, возможно, что Джеймс не хотел брать свой.

– Ну все, до свидания. – Медичка закрыла дверь, оставив их на крыльце.

– Так-с. – Джеймс шумно вдохнул и выдохнул. Квентин кивнул, заранее соглашаясь. Он еще не пришел в себя, и говорить ему не хотелось. – Зря ты это, я думаю.

– Знаю, что зря.

– Можешь еще вернуть. Вдруг они узнают?

– Откуда?

– Мало ли.

– Никто не знает, что там внутри – может, что-то полезное.

– Удачно, выходит, получилось, что чувак помер, – огрызнулся Джеймс. Они молча дошли до угла – ни один не желал признаться, что другой его раздражает. Дождь все так же лил с белесого неба. Квентин, понимая, что конверт действительно не стоило брать, злился на себя за то, что взял его, а на Джеймса – за то, что тот проявил благоразумие и не взял.

– Ну пока, – сказал Джеймс. – Меня Джулс ждет в библиотеке.

– Ага.

Они обменялись чинным рукопожатием, словно поставили точку в конце чего-то. Квентин шел по Первой улице как во сне. Он еще не осознал толком, что в доме, где он только что был, кто-то умер, и чувствовал постыдное облегчение из-за того, что принстонское интервью пришлось все-таки отложить.

Солнце окончательно скрылось в серых тучах над Бруклином. Квентин впервые за истекший час вспомнил о делах на сегодня: задачи по физике, работа по истории, почта, посуда, стирка. Все это затягивало его обратно в гравитационный колодец повседневного мира. Придется обо всем рассказать родителям, и они (он так и не понял, как это у них получается, потому и сопротивляться не научился) дадут ему почувствовать, что это его вина. Потом все понемногу войдет в нормальное русло. Джулия в библиотеке пишет о восточной цивилизации – мистер Каррас ей дал шесть недель, а она накатает за двое суток, не ложась, естественно, спать. Квентин даже в мечтах не представлял, как она могла бы стать его, а не Джеймса, девушкой. Ну, разве что Джеймс скоропостижно скончается и она будет плакать в его объятиях.

Открыв на ходу красную заклепку конверта, Квентин сразу понял, что это не его досье и вообще не документ. В конверте лежала старая тетрадь, вся в пятнах, со стертыми уголками.

На первой странице было написано от руки:

Филлори

Книга шестая

Волшебники

Чернила побурели от старости. Такой книги Пловера Квентин не знал – всякому зубриле известно, что в серии «Филлори» книг всего пять.

Когда он перевернул страницу, из тетради выпал сложенный вдвое листок. Ветер подхватил его, прижал на миг к чугунной ограде и снова унес.

За оградой находился треугольный, совсем узенький скверик – даже застройщики на него не позарились. Никто не знал, кто его законный владелец; в свое время жильцы коллективно вывезли оттуда бруклинский кислотный песок и насыпали нормальной загородной земли. Сначала там выращивали тыквы, помидоры и лук, даже расчищали миниатюрные японские садики. Потом сквер пришел в запустение, и в нем разрослись сорняки. В них, в самую гущу, и улетел листок.

Травы при всем своем буйстве уже подсыхали сообразно времени года. Квентин залез в них по пояс, хрустя битым стеклом. Может, на этой бумажке записан всего-навсего горячий телефон «Скорой помощи»? Сквер, хоть и узкий, оказался на удивление длинным. В нем росли три-четыре солидных дерева, и сорняки по мере продвижения становились все гуще.

Листок прилип к дальней деревянной решетке, увитой сухими лозами. Зазвонил мобильник: это был отец, но Квентин не стал отвечать. На периферии его зрения мелькнуло что-то большое и светлое – мелькнуло и тут же пропало. Мертвые петунии, гладиолусы, высокие подсолнухи и розовые кусты стыли, как узоры на ткани.

Добравшись уже, пожалуй, до Седьмой авеню, Квентин упорно продирался сквозь эти заросли – для полного счастья ему только ядовитого плюща не хватало. Кое-где, как ни странно, еще торчали зеленые стебли. В воздухе повеяло чем-то сладким.

Квентин осознал вдруг, что не слышит ни автомобильных гудков, ни магнитол, ни сирен. Мобильник тоже молчал. Пальцы заоченели от холода. Вернуться или дальше идти? Зажмурившись, он пролез сквозь живую изгородь, споткнулся о камень. Он весь вспотел, и его подташнивало.

Открыв глаза, он увидел себя на краю огромного, совершенно ровного, окруженного деревьями луга. Пахло зеленой травой, солнце припекало совсем не с того места, где ему следовало сейчас находиться. И куда делись тучи? Небо сияло ослепительной синевой. Внутреннее ухо Квентина отозвалось на это болезненным спазмом. Задержав дыхание, он выпустил прочь зимний воздух,дохнул летним и чихнул от пыльцы.

На том краю луга стоял большой дом медового цвета, изобилующий башенками, коньками и дымовыми трубами. Посредине высилась башня с часами – даже Квентин понимал, что для жилого дома такая деталь странновата. Единственная стрелка часов двигалась по венецианскому циферблату с двадцатью четырьмя римскими цифрами. В боковом крыле под зеленым куполом помещалась, вероятно, обсерватория. Между домом и лугом простирались террасы, рощицы, фонтаны и зеленые изгороди.

Квентин был почти уверен, что все станет как раньше, если постоять смирно пару секунд. Видимо, его психика дала нешуточный сбой. Он осторожно глянул через плечо. Вместо сквера позади росли большие дубы, авангард какого-то обширного леса. Из левой подмышки стекла струйка пота: день стоял жаркий.

Квентин скинул рюкзак, снял пальто. В тишине щебетала птичка. Неподалеку, прислонившись к дереву, курил щуплый подросток, по виду его ровесник. Рубашка на нем была в узкую бледно-розовую полоску. Не глядя на Квентина, он затаился и выпустил дым – жара его, похоже, не донимала.

– Эй, – позвал Квентин.

Парень в ответ мотнул подбородком, и только.

Квентин, не желая признаваться, что понятия не имеет, куда попал, напустил на себя беззаботный вид. Даже без пальто он весь обливался потом. Типа английский путешественник в тропиках – пытаемся наладить контакт со скептически настроенным аборигеном.

– Это, – откашлялся он, – это Филлори, да?

Парень с великой серьезностью опять затаился и потряс головой.

– Не-а. Север штата Нью-Йорк.

Брекбиллс

Он и не думал смеяться – Квентин оценил это позже.

– Север? Это где Вассар⁴, что ли?

– Я видел, как ты перешел, – сказал парень. – Пошли в Дом.

Он бросил сигарету и зашагал через луг, не оглядываясь. Квентин помедлил и стал догонять, испугавшись, что останется здесь один.

На лугу свободно уместилось бы полдюжины футбольных полей. Они тащились через него целую вечность, солнце припекало затылок.

– Как тебя звать? – с полнейшим безразличием спросил парень.

– Квентин.

– Прелесть какая. Откуда?

– Бруклин.

– Лет сколько?

– Семнадцать.

– Я Элиот. Больше ничего мне не говори. Близких отношений я избегаю.

Квентину пришлось сделать несколько очень широких шагов, чтобы с ним поравняться. У Элиота было что-то не то с лицом: рот перекошен, одни зубы растут внутрь, другие наружу. Это походило на родовую травму – может, при рождении на него неудачно наложили щипцы.

Несмотря на это, держался он так, что Квентину сразу захотелось с ним подружиться – нет, просто стать им. Такие, как Элиот, обладают естественной плавучестью в среде, вынуждающей Квентина постоянно выгребать по-собачьи.

– Так что же это за место? Ты здесь живешь?

– В Брекбиллсе? В общем, да... если можно так выразиться.

Через проем в живой изгороди они вошли в тенистый лабиринт из подстриженного кустарника. Зеленые коридоры ветвились, перемежаясь нишами и площадками. Сквозь плотные стенки не проникал свет, но сверху на дорожку ложились желтые полосы. Плещущий фонтан украшала пострадавшая от непогоды белая статуя.

Путь через лабиринт занял у них добрых пять минут. Выход с выстриженными по бокам медведями вел на террасу у самого дома. Легкий бриз создал у Квентина впечатление, что один медведь повернул к нему голову.

– Декан, думаю, скоро выйдет. Сиди тут, – Элиот командным жестом, как свехвозбудимой собаке, показал Квентину каменную скамейку, – и делай вид, что все так и надо. А если скажешь, что я курил, запихну тебя в самый нижний круг ада. Я там не был, но молва гласит, что в нем почти так же хреново, как в Бруклине.

Элиот ушел назад в лабиринт, а Квентин послушно сел на скамейку. Держа рюкзак и пальто на коленях, он смотрел на серые плиты между начищенными парадными ботинками. Быть не может, сказал он себе, но эти слова шли вразрез с окружающим его миром. Как будто он принял наркотик с весьма приятными для себя последствиями. На плитах виднелся какой-то узор – не то переплетенные лозы, не то стершиеся от времени буквы. В солнечном луче плясали пылинки. Если это галлюцинация, то у нее чертовски высокое разрешение.

Самым странным здесь была тишина. Ни единой машины, точно он попал в фильм с выключенным звуком.

Французские двери с грохотом распахнулись, и на террасу вышел высокий грузный мужчина в полосатом костюме из индийского льна.

⁴ Элитный колледж в г. Покипси. С 1861 г. по 1969 г. – женский, позднее совместного обучения.

– Добрый день. Квентин Колдуотер, я полагаю?

Говорил он, немного недотягивая до британского акцента – считал его претенциозным, как видно. Открытое, добродушное лицо, редкие светлые волосы.

– Да, сэр. – Квентин, не величавший до сих пор сэрм ни одного взрослого, вдруг почувствовал, что здесь это будет уместно.

– Добро пожаловать в Брекбиллсский колледж. Надеюсь, вы о нас слышали?

– Вообще-то нет...

– Вам предлагается сдать вступительный экзамен. Согласны?

Этот вопрос не входил в число тех, к которым Квентин готовился этим утром.

– Я... не совсем уверен.

– Вполне понятно, но боюсь, неприемлемо. Я должен услышать «да» или «нет». Это относится только к сдаче экзамена, – приободрил толстяк.

Интуиция подсказывала: стоит вымолвить «нет», и он снова окажется на усеянной собачьим дерьмом Первой улице. Будет стоять под дождем и недоумевать, с какой стати он так вспотел.

– В таком случае, – Квентин постарался не проявить особого пыла, – я скажу «да».

– Превосходно. – Толстяк принадлежал к тем наружно веселым людям, у которых веселье никогда не проникает в глаза. – Приступим к экзамену. Меня зовут Генри Фогг – все шутки по этому поводу я уже слышал, – а именовать меня можно деканом. Следуйте за мной. Вы, кажется, последний из тех, кого ожидали.

Никаких шуток по поводу его имени Квентину в голову не пришло. В доме, прохладном и тихом, пахло книгами, восточными коврами, старой шерстью и табаком. Глаза Квентина не сразу привыкли к сумраку, а декан шагал быстро. Миновав увешанную картинами гостиную и обшитый деревом коридор, они поднялись по ступенькам к тяжелой двери.

Она открылась, и Квентин оказался под прицелом множества глаз. В большой комнате стояли рядами одиночные парты, и за каждой сидел серьезный подросток. Классы, к которым привык Квентин, были совсем другими: кирпичные стены, доска объявлений, плакат с цепляющимися за ветки котятками и надписью «Не сдавайся, дружок». Тут стены были из дикого камня, а сама комната уходила куда-то вдаль, как в фокусе с зеркалами.

Ребята, в большинстве ровесники Квентина, демонстрировали тот же диапазон крутизны или отсутствия таковой – но не все. Здесь присутствовали панки с ирокезами и бритыми головами, имелся контингент готов и один ортодоксальный еврей. Долговязая девочка в большущих, с красной оправой очках улыбалась всем, как дебилка. У других девочек, помладше, были заплаканные глаза. Один парень сидел голый до пояса, с красно-зеленой татуировкой во всю спину. И куда только их родители смотрят, подумал Квентин. Другой был в инвалидной коляске, у третьего не доставало левой руки – пустой рукав его темной рубашки зашпиливала серебряная булавка.

На каждой парте лежал голубой экзаменационный вопросник, а рядом – остро заточенный карандаш № 3. Только эти вещи и были знакомы Квентину. Одна из задних парт пустовала; он с оглушительным скрежетом подвинул стул и сел за нее. На миг ему померещилось, что он видит впереди Джулию, но девочка тут же отвернулась, а разглядывать ее не было времени: декан Фогг откашлялся, собираясь что-то сказать.

– Итак, небольшое вступление. Во время экзамена соблюдается полная тишина. Заглядывать в чужие работы не возбраняется – вы все равно не увидите там ничего, кроме чистых листов. Карандаши подтачивать не потребуется. Если захочется пить, просто поднимите три пальца над головой, вот так, – показал он. – Если вам кажется, что вы плохо подготовлены, не волнуйтесь. К этому экзамену подготовиться невозможно – или, лучше сказать, вы готовились к нему всю свою жизнь. Баллов у нас всего два: проходной и непроходной. Сдавшие успешно переходят к экзамену второй ступени, не сдавшие – то есть большинство – возвра-

щаются домой с правдоподобным алиби, почти ничего не помня о происшедшем. Продолжительность экзамена – два с половиной часа. Начинайте.

Декан нарисовал на доске циферблат часов. Чистая доселе экзаменационная тетрадь заполнялась вопросами – буквы проступали прямо у Квентина на глазах.

Класс зашуршал, как птичья стая на взлете. Головы склонились над партами, и по этому движению Квентин понял, что здесь собрались сплошные отличники.

Порядок. Он сам такой.

Квентин не планировал провести остаток этого дня – или утро, или что у них тут такое, – сдавая письменный экзамен по неизвестному предмету в неизвестном учебном заведении неизвестной климатической зоны, где до сих пор длилось лето. Ему сейчас полагалось морозить задницу в Бруклине и проходить собеседование с неким пожилым, недавно скончавшимся господином. Но логика обстоятельств пересиливала все прочие, самые весомые соображения – а с логикой Квентин не привык спорить.

В математике он неизвестно почему рубил так, что школе пришлось направить его для дальнейшего образования в Бруклинский колледж. Ничего страшного, решил он, ознакомившись с математическим разделом теста – разная там дифференциальная геометрия и линейная алгебра. Некоторые вопросы, однако, были совершенно бессмысленны. Так, например, тебе показывалась рубашка игровой карты – ангелочки на велосипедах, как водится, – и предлагалось угадать эту карту.

Задание перевести отрывок из шекспировской «Бури» на язык собственного изобретения сопровождалось вопросами по грамматике и орфографии этого языка, а дальше – подумайте только! – шли вопросы по географии, культуре и общественному устройству выдуманной страны, где на этом языке говорили. Далее требовалось сделать обратный перевод с тарабарского на английский, обращая особое внимание на грамматические, стилистические и смысловые расхождения, получившиеся в итоге. Квентин, показывавший на экзаменах все, на что был способен, здесь не совсем понимал, что ему, собственно, следует показать.

Вопросы, помимо всего этого, еще и менялись. Из раздела «понимание прочитанного» исчез в процессе чтения требующий пересказа абзац. Какая-то новая цифровая технология – он, кажется, слышал об этом проекте. Кролик, которого Квентина попросили нарисовать, тоже не сидел смирно: как только у него появились лапки, он с наслаждением почесался, а после начал скакать по странице и грызть другие вопросы. Пришлось гоняться за ним с карандашом, чтобы как следует заштриховать шкурку. Художник утихомирил его наскоро изображенной морковкой и нарисовал вокруг него загородку.

Квентин строчил как одержимый, выполняя одно безумное задание за другим. Прошел час, прежде чем он поднял глаза и переменял положение отсиженной пятой точки. Солнечные квадраты под окнами сдвинулись, но его поразило другое – множество пустых парт. Разве отсюда выходил кто-нибудь? В животе у него сформировался холодный кристаллик: Квентин не привык, чтобы его опережали во время контрольных. Посмотреть бы на этих прытких, подумал он, вытерев потные ладони о брюки.

Еще через час Квентин, перевернув следующую страницу, увидел посередине единственное, выписанное курсивом слово *КОНЕЦ*.

Он прижал усталые пальцы к усталым глазам. Такого в его жизни больше не будет. Он так и не видел, чтобы кто-нибудь уходил, но из класса исчезли человек пятьдесят, и свободных парт стало больше, чем занятых. Как будто народ убирала втихую, пока он отвечал на вопросы. Голый до пояса татуированный панк оставался на месте. Он тоже, как видно, закончил и теперь развлекался, заказывая себе воду – всю парту уставил стаканами. Последние двадцать минут Квентин провел, глядя в окно и отрабатывая фокус с карандашом.

Декан, войдя в класс, сказал:

– Рад сообщить, что вы все переходите на следующую ступень. Второй экзамен сдается индивидуально преподавателям Брекбиллса, а в промежутке можно перекусить и пообщаться между собой.

Квентин насчитал за партами двадцать два человека – десятую где-то часть прежней группы. По классу уже циркулировал дворецкий в белых перчатках, раздавая подносики. Сэндвич с моцареллой и сладким перцем, большая груша, долька горького шоколада. Каждому студенту, кроме того, наливалось из отдельной бутылочки без этикетки что-то шипучее – грейпфрут-сода, как выяснилось.

Квентин прошел с ланчем в первый ряд, где собрались почти все остальные. Он, как дурак, радовался своему проходному баллу, не имея при этом понятия, почему он сдал, а другие нет. Дворецкий терпеливо собирал на поднос панковские стаканы. Квентин искал Джулию, но она то ли не прошла, то ли ее вообще здесь не было.

– Надо было сразу оговорить, сколько можно заказывать, – говорил панк, назвавшийся Пенни. Лицо у него, вопреки жуткому торсу, было мягкое и круглое, как луна. – Ну, скажем, максимум пять стаканов. Люблю такие примочки, когда система лагается на собственных правилах. А вообще скука. Двадцать минут на всю эту фигню.

– Двадцать минут? – восхитился мучимый завистью Квентин. – Господи, а я битых два часа впахивал.

Панк скорчил гримасу – мне-то, мол, что.

Общение лавировало между недоверием и чувством товарищества. Некоторые ребята сразу называли свои имена, города и обсуждали полученные задания, лишний раз убеждаясь, что варианты у всех были разные. Сюда они попали со всей страны, а двое и вовсе из саскачеванской резервации инуитов. Попали опять же по-разному, но некоторое сходство просматривалось: у кого-то мяч закатился в кусты, кто-то вытаскивал пропавшую козу из дренажной канавы, кого-то лишний провод в школьном компьютере привел в незнакомый доселе чулан. Потом зеленая трава, жаркое лето, гид, декан и этот вот класс.

Сразу после ланча преподаватели начали заглядывать в дверь и вызывать кандидатов. Происходило это в алфавитном порядке, и Квентину через пару минут досталась суровая женщина лет сорока с чем-то. Он прошел вслед за ней в узкую комнату с деревянными панелями, чьи окна смотрели на знакомый ему луг с неожиданно большой высоты. Закрытая дверь тут же заглушила разговор, слышный из смежной комнаты. По обе стороны обшарпанного стола стояли два стула.

Квентину казалось, что он все это смотрит по телевизору. Усилием воли он заставил себя сосредоточиться: ему предстояло выиграть очередное состязание с более высокими, против прежнего, ставками. На столе не было ничего, кроме колоды карт и уложенных в столбик монет.

– Я слышала, ты любишь фокусы, Квентин, – сказала женщина с легким трудноопределимым акцентом – исландским, что ли? – Не покажешь мне что-нибудь?

Квентин действительно любил фокусы. Это началось три года назад – отчасти из-за вычитанного в книгах, но главным образом потому, что это хобби, будучи достаточно интеллектуальным, не требовало общения с другими людьми. Он ухлопал сотни свободных часов, пряча в ладони монеты, тасуя карты, украшая пластмассовые стержни искусственными цветами. Без конца пересматривал затертые, не хуже порно, кассеты, где пожилые иллюзионисты демонстрировали на фоне простыни свои пассы. Никакой романтики, как обнаружил он, в этом не было – только бесконечные репетиции и обман.

Рядом с его домом был магазин, где продавалась нужная бутафория – а также уцененная электроника, запыленные настольные игры, декоративные камешки и искусственная блевотина. Тамошний продавец Рики, с бородой и бакенбардами, но без усов, как фермер из секты эмишей, иногда давал Квентину кое-какие наводки. Ученик скоро превзошел

своего учителя: в семнадцать лет Квентин освоил «виски-соду» и сложный, исполняемый одной рукой съём Шарлье. Умел жонглировать тремя шариками, а в порыве вдохновения и четырьмя. Метал игральную карту с точностью робота, что принесло ему некоторую популярность в школьной среде: с десяти футов она у него втыкалась ребром в безвкусное буфетное яблоко.

Сейчас Квентин тоже первым делом взялся за карты. Для начала он стасовал их – не обычным, а фараоновским способом: вдруг эта женщина знает разницу и понимает, как трудна правильная фараоновская тасовка?

Вслед за этим он продемонстрировал свой обычный набор – обманную тасовку, обманный съём, подмену и прочее. Карты между фокусами струились из одной руки в другую, как водопад. Характерный треск звучал как-то глупо в этой просторной, полной воздуха комнате, в присутствии красивой дамы-профессора.

Она внимательно смотрела на Квентина, выбирала карты по его просьбе и нисколько не удивлялась, когда он извлекал их из раскинутой на столе колоды, или из кармана рубашки, или вообще из воздуха.

После карт он перешел к монетам, новеньким никелям. Чашек и носовых платков не было – пришлось обходиться без них. Преподавательница, молча понаблюдав с минуту за его пассажами, тронула его за руку и попросила:

– Еще раз.

Он послушно повторил старый фокус «блуждающая монета», когда никель (вернее, три никеля) загадочным образом переходит из руки в руку. Он предъявлял монету публике, заставлял исчезнуть, терял ее и триумфально предъявлял снова, после чего она исчезала прямо с его открытой ладони. Эта серия движений, давно описанная в специальной литературе, включала в себя один особенно хитрый отвлекающий прием.

– Еще, – потребовала женщина и прервала возобновленный фокус на середине. – Вот здесь ты ошибся.

– Почему? Именно так это и делается.

Она, покачив головой, взяла из столбика три монеты и без предисловия начала показывать тот же фокус. Ловкости, с которой работали ее маленькие загорелые руки, Квентин даже у профессионалов не видел.

– Когда вторая монета переходит из руки в руку, – сказала она, прервав свои действия, – держать ее нужно вот так. Подойди сюда, посмотри.

Он стал у нее за спиной, стараясь смотреть на пальцы, а не на блузку. Монета исчезала между этими тонкими пальчиками, как птичка в ветвях. Она повторила еще раз, медленно.

– Но я делаю то же самое, – сказал Квентин.

– Хорошо, показывай. – Он начал, и она снова, уже с улыбкой, остановила его.

– А где же вторая монета?

Он повернул руки ладонями вверх. Монета... исчезла. Он пошевелил пальцами, посмотрел на столе, на коленях, на полу. Профессорша, что ли, стибрила, когда он отвлекся? Женщина с такими шустрыми пальцами и улыбкой Моны Лизы способна, пожалуй, на все.

– Так я и думала, – сказала она и встала. – Спасибо, Квентин. Передаю тебя следующему экзаменатору.

Квентин продолжал хлопотать себя по карманам в поисках пропавшей монеты, впервые в жизни не зная, сдал он экзамен или, наоборот, завалил.

Профессора входили в одну дверь и выходили в другую. Это походило на длинный, бессвязный сон. Старик с трясущейся головой выкинул на стол кучу потрепанных веревок с узлами и стоял с секундомером в руках, пока Квентин эти узлы развязывал. Застенчивая красивая девушка, с виду сама студентка, попросила нарисовать план Дома и прилегающих

к нему территорий. Большеголовый, без конца что-то бормочущий тип провел с Квентином очень странный шахматный блиц – может, это был тест на доверчивость? Важный рыжеволосый толстяк выпустил в воздух крохотную глазастую ящерку с радужными, как у колибри, крыльями и уселся на край стола, застонавшего под его тяжестью.

Квентин за неимением лучших идей стал приманивать ее на свой палец. Она спорхнула, тяпнула его за руку и стала биться о стекло, точно шмель. Толстяк молча протянул Квентину пластырь, забрал ящерицу и вышел.

Ближе к вечеру поток экзаменаторов остановился. Квентин, полагая, что это все, перевел дух и расправил плечи. Солнце садилось – отсюда этого не было видно, но чаша фонтана приобрела оттенок жженого сахара. Между деревьями безлюдного парка поднимался туман.

Квентин потер лицо руками. Интересно, что сейчас происходит с родителями, запоздало подумал он. Обычно их не слишком волнует, дома он или нет, но и у них есть свои границы. Уроки в школе давным-давно кончились. Может, они решили, что он задержался на собеседовании, хотя вряд ли помнят, что у Квентина на сегодня было намечено. А может, у них тоже лето, как и здесь – то есть, значит, каникулы. Он впервые трезво прикинул, что же с ним будет дальше: если это сон, то пора уже и проснуться.

За дверью рыдал какой-то парень – и как ему только не стыдно? Учитель что-то ему втолковывал, но парень то ли не мог, то ли не желал перестать. Этот звук угрожал прогрызть напускное спокойствие Квентина и добуриться до затаившегося в глубине страха. Потом плаксу увели, и декан холодно, сдерживая гнев, произнес:

– Знаете – мне, кажется, уже все равно. – Ему что-то ответили, но Квентин не слышал, что именно. – Если не будет кворума, просто отправим всех по домам и переждем один год. Я лично буду счастлив. Сможем перестроить обсерваторию и превратить школу в санаторий для впавших в детство профессоров. Хватит уже, ей-богу. – Снова неразборчивый ответ. – Двадцатый должен где-то быть, Мелани. Мы будем шерстить школы и колонии для несовершеннолетних, пока не найдем его – если же этого не случится, я охотно уйду в отставку, и все это останется на ваших плечах. Уйду с радостью, честное слово.

В дверь на мгновение заглянула дама, экзаменовавшая Квентина по фокусам. Он хотел спросить ее насчет телефона – его сотовый превратился в бесполезную светящуюся коробочку, – но дверь снова закрылась. Ну и что теперь? Можно ему идти или нет? Приключения – дело хорошее, но как-то поднадоело уже.

В комнате становилось темно. Квентин поискал выключатель, но его не было. За все это время он не видел здесь ни одного электрического прибора – ни телефона, ни выключателя, ни электронных часов. После давнишнего ланча снова хотелось есть. Он подошел к окну. Стекло в рамах дребезжало от старости.

Чего они так долго? Может, он последний остался? На темно-синем небе клубились ваноговские завихрения звезд – в Бруклине их из-за светового загрязнения не увидишь. Что это все-таки за место и куда делся листок, который он так и не успел поймать? Тетрадь лежит в рюкзаке – зря он оставил его в классе, лучше бы взял с собой. Родители, наверно, ужинают сейчас; на плите что-то жарится, отец подпевает чему-то до ужаса устаревшему, на стойке два бокала с красным вином. Он по ним почти что соскучился.

Тут дверь распахнулась, и в комнату, разговаривая с кем-то через плечо, ворвался декан.

– Кандидат? Чудесно, – саркастически бросил он. – Давайте посмотрим на кандидата. И принесите свечи, черт побери! – Он сел к столу. Рубашка на нем вся пропотела – может, клюкнуть успел за то время, когда Квентин его не видел. – Привет, Квентин. Садись.

Квентин занял свободный стул. Фогг растянул верхнюю пуговицу и раздраженно вытащил из кармана галстук.

Вслед за ним в комнату вошли все другие препода, которых Квентин повидал за день: фокусница, старик с узлами, толстяк с ящерицей – всего около дюжины. Выстроившись

вдоль стен, они смотрели на Квентина и перешептывались. Последним, никем не замеченный, проскочил татуированный панк.

– Прошу, прошу, – с широким жестом сказал декан. – В будущем году надо будет приспособить оранжерею. Проходите, Перл, проходите. – Это относилось к блондиночке, заставившей Квентина нарисовать карту. – Квентин... присаживайся.

Квентин, уже сделавший это, сел чуть поглубже.

Фогг извлек из одного кармана нераспакованную карточную колоду, из другого примерно на доллар никелей. Столбик монет чуть не развалился, когда декан шмякнул его на стол, и оба визави одновременно его поправили.

– Ну-с, а теперь немного магии! – Декан потер руки, скрестил их и развалился на стуле.

Опять? Квентин растерялся вконец, но виду не подал. Медленно, оглушительно треща пластиковой оберткой, он распаковал колоду. Руки независимо от головы принялись тасовать карты, а он тем временем вспоминал, какой фокус еще не показывал. Кто-то из собравшихся кашлянул.

Как только Квентин приступил к делу, Фогг весьма бесцеремонно его прервал:

– Нет-нет-нет! Я хочу видеть настоящую магию. – И постучал по столу. Квентин не находил на его лице прежнего благодушия. Необычайно бледная, молочная голубизна глаз вселяла тревогу.

– Я не совсем понимаю... – Квентин чувствовал себя так, будто забыл реплику из роли в школьном спектакле. – Что значит «настоящая магия»?

– Не знаю. – Фогг весело оглянулся на стоящих у стенки учителей. – Это ты мне скажи.

Квентин, чтобы выиграть время, стасовал карты еще пару раз. Почему они просто не скажут, чего хотят? Сказали бы, он бы и сделал. Все, кто был в комнате, смотрели равнодушно или отводили глаза. Нет, от них помощи не дождешься – придется отправляться обратно в Бруклин. Квентин свирепо подавил подступившие слезы. Он проваливался куда-то в себя, и не было там ничего, что могло его поддержать. Вот и встретился ему экзамен, который он не сумел выдержать – ничего в общем-то удивительного. Вопрос в том, сколько еще это будет тянуться.

– Хватит волынить, Квентин! – гаркнул декан, щелкнув пальцами у него перед носом. – Проснись!

В следующий момент он схватил Квентина на удивление горячими, сухими руками и стал выламывать ему пальцы, приговаривая:

– Вот так. Вот так.

– Перестаньте, – сказал Квентин, но Фогг и не подумал остановиться. Под шарканье ног и тихие голоса в комнате он гнул пальцы назад и раздвигал так, что перепонки трескали. Квентину чудилось, что между его и Фогга руками мерцает свет.

– Да перестаньте же! – вскричал он и вырвался.

Удивительно, как хорошо бывает иногда разозлиться. В наступившей тишине он сделал глубокий вдох и выдохнул через нос, изгнав из себя некоторую долю отчаяния. Хватит с него экзаменов. Он сдает их всю свою несчастную жизнь, но даже у него есть предел.

Юноша не сразу заметил, что бормочет себе под нос – не по-английски, а на том самом языке, который изобрел не далее как сегодня. Свой диалект, где встречались весьма сочные выражения, Квентин присвоил тропическому архипелагу, знойному раю в духе Гогена – с черными пляжами, хлебными деревьями, обилием родников и грозным вулканическим богом. Изъясняясь на нем бегло и без акцента, не хуже туземцев, сейчас он не то молитву читал, не то произносил заклинание.

Все вокруг замедляло темп, как будто комнату наполнила вязкая, но совершенно прозрачная жидкость. Все, кроме самого Квентина. Взяв карты в ладони, он подкинул их к потолку, словно голубя. Они рассыпались, как метеорит в атмосфере, слетели на стол и сло-

жились в импрессионистскую, но узнаваемую модель Брекбиллса. Опускаясь как бы случайно, они соединялись одна с другой, точно магнитные. Две последние, пиковый и червовый тузы, образовали кровлю над часовой башней.

Все, в том числе и Фогг, окончательно застыло на месте. Волоски на руках Квентина поднялись дыбом, пальцы оставляли в воздухе фосфорические следы. Зная теперь, что делать, он легонько подул на карточный домик, и карты опять сложились в колоду. Он раскинул их на столе веером, точно блек-джек сдавал. Только дамы – как привычных мастей, так и многих других, синих, зеленых и желтых. Дама фонтанов, дама часов, дама пчел, дама книг. Одни одеты, другие бесстыдно обнажены. У одних лицо Джулии, у других – красивой медички из «Скорой помощи».

Декан и все остальные пристально следили за Квентином. Ладно, смотрите. Снова собрав колоду, он без видимого усилия порвал ее на половинки, на четвертушки и швырнул полученным конфетти в честную компанию. Все, кроме Фогга, отпрянули.

Квентин встал, опрокинув стул.

– Скажите мне, где я. Скажите, что я здесь делаю.

Он зажал в кулаке столбик никелей, но это были уже не монеты, а рукоять светящегося меча, загнанного глубоко в стол. Квентин без труда его вытащил.

– Что здесь, в конце концов, происходит? – уже громче осведомился он. – Если это не сраное Филлори, то где я, черт побери? – Он навел острие на Фогга, подержал секунд десять и снова вогнал меч в столешницу, словно в масло.

Фогг не шевелился, меч трепетал над столом. За окном стояла черная ночь.

– Ну что ж. – Декан, достав из кармана аккуратно сложенный платок, промокнул лоб. – Думаю, мы можем признать, что он сдал экзамен.

Кто-то – старик с узлами – похлопал Квентина по спине, а после с неожиданной силой вытащил меч и плашмя положил на стол. Аплодисменты экзаменаторов переходили в овацию.

Элиот

Остаток ночи Квентину плохо запомнился. Он был слаб, словно его накачали наркотиками, и чувствовал пустоту в груди. Даже есть не хотелось больше, только спать. Это смущало его, но никто как будто не возражал. Совершенно естественно, сказала профессор Ван дер Веге, экзаменовавшая его первой: он только что произнес свое первое малое заклинание, а это кого угодно лишило бы сил. Она же пообещала все уладить с родителями, чтобы они не беспокоились за него. Квентину было уже все равно.

Тяжело опираясь на мисс Ван дер Веге, он поднялся на тысячу примерно ступенек. Она уложила его на мягкую перину, сняла, как с маленького, ботинки, укрыла. Он заснул еще до того, как она вышла из комнаты.

Утром он долго соображал, где находится – лежал и собирал воспоминания в кучку. Сегодня пятница; он по всем статьям должен быть в школе, но вместо этого валяется на кровати прямо в одежде. Неудобно как-то – точно напился на вечеринке в малознакомом доме и его уложили в комнате для гостей. Даже похмелье вроде бы ощущается.

Нет, правда: что он вытворял прошлой ночью? Все как во сне – может, это и был сон? Нет, непохоже, и эта комната ему тоже явно не снится. Ворона громко каркнула за окном и тут же заткнулась. Больше ни один звук не нарушал тишину.

Лежа, он оглядывал комнату. Она имела полукруглую форму. Вдоль внутренней стенки шкафы и шкафчики темного дерева. Письменный стол в викторианском стиле, комод, зеркало. Кровать встроена в обшитую деревом нишу, по всей внешней стене проделаны узкие окна. Недурственная комнатка, надо сказать, – может, все не так уж и страшно. Пора вылезти и посмотреть, что происходит снаружи.

По каменному прохладному полу он прошлепал к окну. Было совсем раннее, туманное утро. Его комната помещалась выше самых высоких деревьев. Он проспал десять часов. Зеленый луг пустовал, давешняя ворона зависла на черных-пречерных крыльях чуть ниже окна.

Записка на столе уведомляла, что завтракать он будет с деканом Фоггом. Этажом ниже обнаружилась общая ванная с душевыми кабинками, фаянсовыми раковинами и стопками жестких белых полотенец. Вода в душе была горячая, напор сильный. Квентин пописал, глядя, как исчезает в стоке желтая струйка. Странно и хорошо оказаться вдруг вместо школы на пороге чего-то нового, даже если оно вызывает сомнения. Мысленный счетчик оценил ситуацию, которая сложится в Бруклине без него – пока она выглядела, в общем, приемлемой. Квентин кое-как привел в порядок помятый костюм и спустился.

В доме не было ни единой души. Он добрых двадцать минут слонялся по коридорам, гостиным и классам, пока вчерашний дворецкий в белых перчатках не препроводил его в кабинет декана, на удивление маленький. Большую его часть занимал здоровенный, как танк, письменный стол, на стенных полках стояли книги и старинные приборы из меди.

Через минуту пришел декан в светло-зеленом полотняном костюме и желтом галстуке, свежий и бодрый. Ни смущения, ни каких-либо иных эмоций прошлая ночь у него, похоже, не вызвала. Он уже завтракал, объявил Фогг, а Квентин сможет поесть непосредственно во время беседы.

– Начнем вот с чего. – Декан хлопнул себя по коленкам и вздернул брови. – Магия реальна – но это ты, вероятно, и сам уже понял.

Квентин молчал, глядя в пространство за плечом Фогга. Да, этим, пожалуй, проще всего объяснить то, что происходило ночью. Та его часть, которой Квентин доверял меньше всего, норовила умчаться за этой идеей, как щенок за мячом, но ее сдерживал опыт всей про-

шлой жизни. Слишком долго Квентин искал что-то наподобие этого, слишком долго верил, что существуют и другие миры помимо реального. Сказки все это, говорили ему суровые факты. Оказывается, не такие уж сказки... как будто близкий человек, которого ты схоронил, и не умирал вовсе.

Пусть Фогг говорит дальше, там видно будет.

– Отвечаю на вопросы, которые ты задавал вчера. Ты в Брекбиллсе, колледже магической педагогики. – Явился дворецкий с подносом и начал снимать крышки с блюдец. – Основываясь на результатах твоих экзаменов, мы предлагаем тебе остаться у нас. Рекомендуем тебе отведать бекон. Свиней на нашей ферме откармливают сливками и орехами.

– Вы хотите, чтобы я учился у вас в школе. В колледже.

– Да, вместо университета, который ты для себя наметил. Если комната, где ты ночевал, тебе нравится, можешь оставить ее за собой.

– Но не могу же я просто так... – Квентин не мог выразить одной фразой всю смехотворность этого замысла. – Простите, я несколько растерялся. Значит, Принстон откладывается?

– Не откладывается, Квентин, а отменяется. Ты будешь учиться здесь. – Декан, должно быть, привык к подобным беседам. – Не в Лиге Плюща⁵. Не с другими ребятами твоего выпуска. Ты не вступишь в Фи-Бета-Каппу, и ни в хедж-фонд, ни в менеджеры тебя потом не возьмут. Тут тебе не летняя школа, Квентин, – тут контора серьезная.

– Это значит, четыре года...

– Пять лет.

– И кем я стану в итоге? Бакалавром магии? Смешно, честное слово.

– В итоге, Квентин, ты станешь магом. Карьера не блестящая, знаю. Твой консультант не одобрил бы такой выбор. Никто не будет знать, чем ты здесь занимаешься. Друзей и планы на будущее придется оставить в прошлом. Ты отказываешься от одного мира, но взамен приобретаешь другой – решение не из легких.

Да уж, мягко говоря. Квентин отодвинул тарелку.

– А как вы меня нашли?

– У нас на то есть специальный глобус. – Их на полке стояла целая коллекция: обычные, экологические, небесные, лунные и какие-то странные, с неверными контурами материков. – Он отыскивает потенциальных магов вроде тебя – тех, кто в официальных списках не значится. Думаю, он среагировал на твой фокус с блуждающим никелем. Есть также разведчики, – продолжал Фогг. – Например, твой приятель Рики с бачками.

– А та женщина из «Скорой помощи», с косами – она тоже ваша?

– С косами? – нахмурился Фогг. – Ты ее видел?

– Ну да. Прямо перед тем, как здесь оказался. Так это не вы послали ее?

– Это особый случай, – осторожно произнес Фогг. – Она работает независимо – вольный стрелок, так сказать.

Может, буклет у него попросить? О плате за обучение пока речи не было. Дареному коню и так далее, но хотелось бы все-таки знать побольше. Если система магического образования действительно существует, то вдруг этот колледж не из элитных? Стоит ли соглашаться на него, если где-то есть магический Гарвард?

– Не хотите посмотреть мои тесты?

– Я уже видел их, – терпеливо ответил Фогг, – и не только их. Все решает экзамен. У нас, видишь ли, очень большой конкурс – вряд ли на всем континенте найдется более эксклюзивная школа. Этим летом мы провели целых шесть туров, чтобы заполнить двадцать учебных мест. Вчера прошли только двое, ты и еще один мальчик, с татуировкой, Пенни...

⁵ Принстонский университет входит в эту престижную Лигу.

это определенно ненастоящее его имя. В Северной Америке всего одна школа магии, – сообщил он, прямо-таки наслаждаясь замешательством Квентина. – Одна в Великобритании, две в Европе, четыре в Азии, одна почему-то в Новой Зеландии. Об американской магии говорят разное, но мы, могу тебя заверить, вполне соответствуем международным стандартам. В Цюрихе, если хочешь знать, до сих пор преподают френологию⁶.

На стол декана брякнулась отлитая из серебра птичка.

– Бедняжка. – Фогг бережно взял ее в свои большие ладони. – Кто-то пытался ее оживить, а она застряла посередине. Считает себя живой, но летать не может – слишком тяжелая. – Птичка слабо чирикнула, и Фогг, вздохнув, убрал ее в ящик. – Вылетит из окна и камнем в кусты. Ну-с, так. Если ты решишь учиться у нас, мы внушим твоим родителям небольшую иллюзию. О Брекбиллсе им, конечно, знать не положено; пусть думают, что тебя приняли в страшно престижный частный колледж – это, кстати, не так уж расходится с истинной. Это безболезненно, вполне эффективно и способствует родительской гордости. Смотри только сам не проговорись. Семестр начинается через две недели, так что выпускной класс в школе ты не закончишь. Впрочем, я слишком забегаю вперед: сначала ты должен поставить подпись.

Фогг выложил на стол рукописный документ внушительной толщины – прямо договор между двумя державами века так восемнадцатого.

– Пенни подписал еще вчера – для него экзамен закончился очень быстро. Что скажешь ты?

Вот и настал ключевой момент. Квентин взял у Фогга авторучку, толстую, как сигара. Неужели он так-таки все и бросит? Джеймса и Джулию, шансы поступить в нормальный колледж, выбрать нормальную профессию? Ради этой бредятины, этой ролевой костюмной игры?

Он посмотрел в окно. Фогг наблюдал за ним с полной невозмутимостью – куда, мол, ты денешься. Если декан как-то и волновался за исход дела, по нему это не было видно. Серебряная птичка, выбравшись из ящика, усердно билась головой о деревянную стенную панель.

И тут вдруг с Квентина свалился огромный груз. Как будто гранитный жернов, невидимый альбатрос, провисевший у него на шее всю жизнь, оторвался и без малейшего плеска ушел в пучину. Квентин чуть не взмыл к потолку на манер воздушного шарика. Его будут учить на мага – только подпись надо поставить. Какого черта он еще думает? Он всегда этого хотел и вот наконец прошел на ту сторону, сквозь зеркало, через кроличью норку. Стоит подписать, и профессия мага ему обеспечена – а кем, блин, он еще собирался стать в этой жизни?

– Хорошо, – спокойно произнес Квентин, – только с одним условием: я займу ту комнату прямо сейчас. Не возвращаясь домой.

Никто его и не заставлял. Из дому прислали кучу сумок и чемоданов: родители, как и обещал Фогг, почему-то не возражали против поступления их единственного ребенка посреди учебного года в некий таинственный колледж, о котором они никогда не слыхивали. Квентин рассовывал одежду и книги по шкафам и шкафчикам своей башенки, с глаз долой. Это была его прежняя жизнь, сброшенная им кожа, а вот нужная вещь – тетрадь, полученная от парамедички – пропала. Когда он наконец добрался до класса, где оставил в день экзамена свой рюкзак, его там не оказалось. Декан и дворецкий клялись, что в глаза не видели ни рюкзака, ни тетради.

⁶ Псевдонаука о связи человеческой психики с наружным строением черепа, очень популярная в I половине XIX века.

Сидя на кровати среди аккуратно сложенных шмоток, он вспоминал Джеймса и Джулию. Один бог знает, что они о нем думают. Скучает ли Джулия без него, сознает ли, что сделала неправильный выбор? Надо бы как-то с ними связаться, вопрос только, что он им скажет. Что было бы, если бы Джеймс тоже взял свой конверт? Может, и ему предложили бы сдать экзамен. Может, так и было задумано.

Квентин немного расслабился. Он уже не ждал каждую минуту удара с небес и даже позволял себе думать, что тот, может быть, вообще никогда не обрушится.

От нечего делать он целыми днями слонялся по дому. Декан и учителя вежливо здоровались с ним при встрече, но у них были свои дела и свои проблемы. Как будто оказался не в сезон на модном курорте и бродишь по большому отелю без постояльцев. Пустые номера, пустые сады, пустые гулкие коридоры. Ел он у себя в комнате, сидел подолгу в библиотеке – где, естественно, имелось полное собрание Кристофера Пловера – и радостно припоминал все задачи и сочинения, которые ему уже не придется решать и дописывать. Однажды он нашел дорогу в башню с часами и следил за огромным заржавленным маятником, за работой шестеренок и рычажков, пока закатное солнце не начало светить прямо сквозь циферблат.

Иногда на него нападал беспричинный смех. Может, это и есть счастье, опасливо думал он, словно пробуя ногой незнакомые воды – сравнивать ему было особенно не с чем. Надо же, он будет учиться магии! Сдохнуть можно. Либо он величайший гений всех времен, либо самый большой идиот. Квентин, давно переставший интересоваться чем бы то ни было, с искренним любопытством ждал, что будет дальше. Бруклинская реальность не имела для него смысла, а брекбиллсская очень даже имела. Все здесь, похоже, было пропитано магией. В том мире он находился на грани серьезной депрессии – хуже того, ему грозила опасность проникнуться отвращением к себе самому. От такого люди никогда не излечиваются. Теперь он чувствовал себя ожившим деревянным Пиноккио – а может, наоборот? Может, он превратился во что-то сказочное из обыкновенного парня? В любом случае он изменился к лучшему. Это, правда, не Филлори, но сойдет.

Временами он замечал издали Элиота. Тот носился по зеленому лугу или сидел, поджав длинные ноги, на каком-нибудь подоконнике. Вид он имел меланхолический и задумчивый, как будто Брекбиллс был недостаточно хорош для него и он терпеливо сносил капризы providения, забросившего его в это место.

Однажды Квентин увидел его под дубом, примерно там же, где они встретились в первый раз. Элиот курил и читал книжку в мягкой обложке. Сигарета из-за неправильной челюсти торчала под непривычным углом.

– Закуришь? – вежливо предложил он, протянув Квентину синюю с белым пачку «Мерит ультра-лайт». Со дня прибытия Квентина в Брекбиллс они ни разу не разговаривали. – Контрабандные, – продолжал он, не слишком огорченный отказом. – Чамберс мне покупает. Я как-то поймал его в винном погребе за дегустацией отменного шираза из личной деканской коллекции. «Олений прыжок» девяносто шестого года. После этого мы пришли к соглашению. Он очень приличный малый, надо отдать ему должное. И неплохой художник-любитель, хотя его реалистический стиль, увы, давно устарел. Однажды я ему даже позировал – весь задрапированный, с летающей тарелкой в руке. В виде Гиацинта, я думаю. Чамберс в душе *pompiste* – импрессионизма он, кажется, не признает совершенно.

Квентин в жизни не видел, чтобы человек так выпендривался. Чтобы поддержать разговор, он воспользовался всей накопленной в Бруклине мудростью и заявил:

– «Мерит» одни телки курят.

– Совершенно верно, – ответил Элиот, – но других сигарет я не выношу в принципе. Отвратительная привычка. Ну же, давай покурим.

Квентин осторожно взял сигарету. Он уже держал их в руках – они часто используются для фокусов, – но по назначению ни разу не применял. Он заставил ее исчезнуть, втерев в ладонь, и вернул, щелкнув пальцами.

– Я предлагал тебе закурить, а не валять дурака. – Элиот, в свою очередь, щелкнул пальцами, пробормотал что-то, и его указательный палец воспламенился. Квентин наклонился и прикурил.

Его легкие тут же подверглись кремации. Битых пять минут он кашлял без передышки и обливался слезами, а Элиота разобрал такой смех, что ему пришлось сесть. Квентин заставил себя затянуться еще раз, и его вырвало прямо в живую изгородь.

Весь день они провели вместе. Элиот то ли чувствовал себя виноватым, то ли решил предпочесть нудное общество Квентина совсем уж тоскливому одиночеству. Возможно также, что он просто нуждался в общении с кем-то понормальней себя. Он водил Квентина по всему кампусу и знакомил с подводными течениями брекбиллской жизни.

– Свежий глаз невольно должен заметить, что погода здесь совсем не соответствует ноябрю. Это потому, что у нас все еще стоит лето. Территория Брекбиллса ограждена древними чарами; так нужно, чтобы никто не заметил его с реки или не забрел сюда по ошибке. Однако от старости чары немного сбрендили, что и привело к смещению времени где-то в пятидесятых годах. С каждым годом все становится только хуже. Беспокоиться пока не о чем, но на два месяца, двадцать восемь дней и пару часов мы все же отстаем от главного направления.

Не зная, что будет приличнее – ужаснуться или принять это как должное, – Квентин переменял тему и спросил насчет расписания.

– На первом курсе выбора у тебя не будет. Генри, – Элиот называл декана Фогга только по имени, – всем назначает одно и то же. Ты ведь у нас умный мальчик?

Попробуй ответить на это, не роняя достоинства!

– Вроде того.

– Не смущайся, здесь все такие. Одно лишь то, что тебя пригласили сюда на экзамен, означает, что ты самый умный у себя в школе, включая учителей. Каждый здесь – самая смышленная обезьянка на своем личном дереве, но отныне дерево у нас общее, кокосов на всех не хватает. Для новичков это шок. Впервые в жизни ты будешь иметь дело с равными и даже с теми, кто умнее тебя. Тебе это не понравится, будь уверен. Не думай также, что на уроках мы просто машем волшебными палочками и выкрикиваем что-то на кухонной латыни. Есть объективные причины на то, что большинству людей магия недоступна.

– Это какие же?

– Во-первых, – Элиот загнул длинный, тонкий указательный палец, – они недостаточно умны, чтобы справиться с необходимым объемом работы. Во-вторых, недостаточно одержимы и слишком довольны жизнью. В-третьих, им недостает наставничества, которое обеспечивает нам Брекбиллский колледж Магической Педагогики. В-четвертых, у них отсутствует жилка, поставляющая магическую энергию. Наконец, в-пятых, – он загнул большой палец, – некоторые особи, у которых все это в наличии, тем не менее неспособны стать магами. Никто не знает, почему это так. Они произносят слова, размахивают руками, но ничего не случается. Нам повезло: у нас имеется все, что нужно.

– Не знаю, есть ли у меня эта самая жилка.

– Я тоже не знаю, но это не самое главное.

Когда они пошли по прямой, как стрела, аллее обратно к лугу, Элиот опять закурил.

– Ты извини, – сказал Квентин, – но, может, у тебя есть какой-то волшебный прием, чтобы дымить без вреда для здоровья?

– Как это мило. Каждые две недели, незадолго до полнолуния, я приношу в жертву одну школьную девственницу. Для этого мне служит серебряный скальпель, выкованный альбиносом-швейцарцем – тоже девственником, конечно. Замечательно прочищает легкие.

После этого они стали часто встречаться. Однажды Элиот весь день учил Квентина ориентироваться в лабиринте, отделяющем Дом, «как мы его называем», от большого луга. Последний официально именовался Лугом Моргилла в честь декана, который засеял его в восемнадцатом веке, но «все» называли его Морем или Могилой. Каждый из шести фонтанов, раскиданных по Лабиринту (с большой буквы), тоже носил имя одного из покойных деканов плюс кличку, присвоенную ему коллективным студенческим творчеством. Образующие Лабиринт зеленые стенки были выстрижены в форме неповоротливых тяжелых зверей – медведей, слонов и других, не столь легко узнаваемых. Они медленно, почти незаметно перемещались с места на место, как бегемоты в африканской реке.

В последний день перед началом занятий Элиот привел Квентина к выходящему на Гудзон фасаду Дома. Между рекой и передней террасой росли платаны, широкие каменные ступени вели к викторианской лодочной пристани. Приятели тут же решили покататься на лодке, хотя грести не умел ни один. Что такое гребля для двух подающих надежды магов, заметил Элиот.

Пыхтя и переругиваясь, они сняли с подставки длинный четырехвесельный ялик – легкий, как пустой стручок, опутанный паутиной, благоухающий лаком. Они даже умудрились спустить его на воду, ничего себе не повредив и недостаточно обозлившись друг на друга, чтобы бросить все это дело. После нескольких попыток они развернули лодку в нужную сторону и поплыли. Их ничуть не смущало то, что спортивная подготовка Квентина оставляла желать много лучшего, а совсем безнадежный Элиот еще и курил.

Примерно через полмили вверх по течению вокруг сделалось не по-летнему серо и холодно. Шквал, подумал Квентин – но Элиот объяснил, что они попросту вышли из зоны охранных чар и снова попали в ноябрь. Минут двадцать они болтались на веслах вверх-вниз, наблюдая, как небо меняет цвет и температура то падает, то опять поднимается.

Быстро устав, на обратном пути они просто дрейфовали вместе с течением. Элиот лежал на дне лодки, курил и разглагольствовал. Его манеры всегда заставляли Квентина предполагать, что он происходит из манхэттенской знати, но Элиот, как выяснилось теперь, вырос в восточном Орегоне, на ферме.

– Родителям платят за то, чтобы они не сажали сою, – рассказывал он. – У меня трое братьев, все старшие. Великолепные экземпляры – добродушные атлеты с толстенными шеями. Пьют пиво «Шлиц» и жалеют меня. Отец не может понять, в чем дело: думает, что перед моим зачатием перебрал с жевательным табаком, вот я и получился такой. – Элиот сунул окуроч в стеклянную пепельницу, висящую на борту, и опять закурил. – Они полагают, что я учусь в специальной школе для компьютерных маньяков и гомиков – потому я и не езжу домой на каникулы. Генри все равно. Я не был дома с тех пор, как сюда поступил. Ты, наверно, тоже жалеешь меня? – Халат, надетый поверх брюк и рубашки, придавал Элиоту томный аристократический вид. – Не надо. Мне здесь хорошо. Некоторым, чтобы осуществить задуманное, требуется семья, и ничего плохого я в этом не вижу – но есть и другие пути.

Как же трудно, должно быть, далась Элиоту эта его беззаботная светскость. Квентин всегда воображал себя региональным чемпионом по несчастью, но Элиот, пожалуй, и тут его обскакал.

По дороге им встречались парусники, катера и одна женская восьмерка из Вест-Пойнта⁷, располагавшегося на несколько миль выше. Спортсменки гребли в теплых серых

⁷ В Вест-Пойнте находится Военная Академия США. С 1976 г. туда стали принимать девушек.

костюмах – августовская жара, которой наслаждались Элиот с Квентином, их не касалась никаким боком. Чары не нанимались обеспечивать комфорт посторонним.

Магия

– Магия – не наука, не искусство и не религия. Магия – это ремесло. Занимаясь ею, мы не молимся и не загадываем желаний. Чтобы произвести в мире одну из специфических перемен, мы применяем волю, знание и умение. Это не значит, что мы разбираемся в магии столь же детально, как физики – в поведении элементарных частиц. А они вообще разбираются? Никак не могу запомнить. В любом случае, нам не дано понять, что есть магия и откуда она берется. Плотник, например, тоже не понимает, отчего растет дерево, да ему и не нужно. Он работает с имеющимся у него материалом. Разница в том, что магом быть гораздо опасней и намного интересней, чем плотником.

Вводную лекцию читал им профессор Марч, тот самый рыжий толстяк со злой ящерицей. Внешность предполагала, что у него веселый и легкий характер, на деле же он начинал себя проявлять как весьма агрессивный чувак.

Проснувшись, Квентин обнаружил, что его пустой Дом наполнен орущим, топчущим, волокущим по лестницам чемоданы народом. Время от времени кто-то распахивал его дверь, заглядывал внутрь и снова захлопывал. Жестокое пробуждение: он привык бродить по Дому, как его полноправный владелец или, по крайней мере, лорд-сенешаль. Теперь оказывалось, что в Брекбиллсе проживают еще девяносто девять студентов, разбитых на пять курсов, и прав у них ничуть не меньше, чем у него.

На задней террасе одновременно материализовывалась группа из десяти человек с сундуками, чемоданами и дорожными сумками. На всех, кроме Квентина, была форма: у мальчиков полосатые блейзеры и галстуки, у девочек белые блузки и клетчатые темные юбки. Подготовительная школа какая-то, а не колледж.

– Пиджак и галстук обязательны всюду, кроме твоей личной комнаты, – объяснил Фогг. – О других правилах узнаешь у старшекурсников. Мальчики часто подбирают себе галстуки по своему вкусу. Я смотрю на это сквозь пальцы, но не подвергай мое терпение слишком большим испытаниям. Все вызывающее будет конфисковано, и придется носить школьный галстук – крайне старомодный, насколько я смыслю в таких вещах.

Вернувшись к себе, Квентин нашел в шкафу целый ряд одинаковых пиджаков в темно-синие и шоколадные полосы и комплект белых рубашек. Почти все они выглядели как новые, лишь у некоторых локти слегка лоснились или были поношены обшлага. От бывших в употреблении блейзеров слабо и совсем не противно пахло шариками от моли, табаком и прежними обладателями. Переодевшись и посмотревшись в зеркало, Квентин остался доволен, хотя любую униформу ненавидел принципиально. Он еще не чувствовал себя магом, но уже выглядел им.

На груди каждого пиджака был вышит герб – золотые пчела и ключ на фоне серебряных звездочек. Теперь Квентин стал замечать, что тот же девиз встречается всюду: на коврах, шторах, карнизах и паркетных полах.

Окна большой угловой аудитории выходили на две стороны. На поднимающихся амфитеатром ступенях стояли в четыре ряда новые красивые парты; внизу помещались черная доска и каменный стол, весь в выбоинах, царапинах и подпалинах. В воздухе держалась застарелая меловая пыль. Двадцать подобающе одетых студентов выглядели как самые обыкновенные подростки, старающиеся казаться круче, чем они есть. Половина победителей конкурсов «Поиск юных ученых» и «Орфографические таланты» определенно собралась здесь. Квентин слышал, что один из его сокурсников был вторым на Конкурсе Путнема⁸ и точно знал, что одна девочка представляла Лесото на пленарном заседании одной из сек-

⁸ Математическая олимпиада для студентов-старшекурсников.

ций ООН и ратовала за применение ядерного оружия для защиты исчезающего вида морских черепах.

Особого значения все это уже не имело, но на нервы тем не менее действовало. Квентину захотелось обратно на реку с Элиотом.

Профессор сделал паузу и произнес:

– Квентин Колдуотер, прошу вас выйти сюда и показать нам какой-нибудь фокус. Да-да, я к вам обращаюсь. – Он так веселился, будто собирался вручить Квентину приз. – Прошу. Реквизитом я вас обеспечу.

Профессор достал из кармана стеклянный шарик и положил на стол. Шарик сразу закатился в какую-то ямку.

В аудитории стало тихо. Квентин, хотя и понимал, что это никакой не экзамен, а просто травля новеньких, очередная славная традиция Брекбиллса, спустился вниз на одеревеневших ногах. Все остальные явно радовались, что вызвали его, а не их.

Он занял место у стола рядом с Марчем. Шарик был как шарик, с несколькими воздушными пузырьками внутри, примерно того же диаметра, что и никель. Его нетрудно будет спрятать в ладони и в рукаве тоже, при наличии пиджака. Хотят магии – пусть получают. С пульсирующей в ушах кровью Квентин предъявил шарик в одной руке и в другой, достал изо рта, из носа.

Вознагражденный хихиканьем публики, он подкинул шарик под потолок, нагнулся и принял его на затылок. Аудитория взревела, кто-то застучал крышкой парты.

А теперь финал. Квентин взял чугунное пресс-папье и притворился, что раздавил шарик, в последний момент подменив его нашедшейся в кармане мятной конфетой. Леденец, издав впечатляющий хруст, превратился в убедительную кучку белого порошка. Квентин, подмигивая публике, извинился перед профессором и попросил его одолжить носовой платок. Профессор полез в карман пиджака и обнаружил там шарик.

Квентин, взмахнув воображаемой клюшкой для гольфа, поклонился под бешеные аплодисменты. Плохо ли – стать народным героем в самом начале семестра!

– Благодарю, Квентин. – Профессор похлопал ему кончиками пальцев. – Весьма познавательно. Можете вернуться на свое место. А вы, Элис, не покажете нам что-нибудь?

Это относилось к угрюмой девочке небольшого росточка с прямыми светлыми волосами, сидевшей в заднем ряду. Она нисколько не удивилась, когда Марч ее вызвал: привыкла, видно, всегда ожидать самого худшего, так почему бы и не сегодня? К столу она шла, как на эшафот, глядя прямо перед собой. Форма на ней уже успела помяться. Девочка взяла у профессора шарик и положила его на стол, достигающий ей до груди.

Вслед за этим она проделала ряд деловых движений, словно изъяснялась на языке глухонемых или играла в «веревочку» – полная противоположность эффектной манере Квентина. Слегка косящие глаза смотрели на шарик, губы шевелились, неслышно произнося что-то.

Шарик зажегся красным огнем, подернулся белой катарактой, пустил серый дымок. Обставленный Квентин похолодел: это был уже не фокус, а настоящая магия.

– Сейчас мои пальцы станут жароупорными, – потирая руки, сказала Элис. Шарик плавился и тянулся, как сливочная помадка. Элис, молниеносно вылепив четыре ножки и голову, дунула на него. Шарик, превратившийся в крошечного зверька, отряхнулся, встал и начал расхаживать по столу.

На этот раз никто не стал аплодировать. Четыре стеклянные ножки в полной тишине легонько звенели по камню.

– Спасибо, Элис. – Профессор вернулся на место лектора. – Для тех, кому интересно: Элис только что применила три базовых заклинания. – Он начал загибать пальцы. – Безмолв-

ный термогенез Демпси, малое оживление Кавальери и защиту собственного изобретения, которую, вероятно, следует назвать в ее честь.

Элис, ни капли не задаваясь, спокойно ждала, когда профессор ее отпустит. Всеми позабытый стеклянный зверек дошел тем временем до края стола, упал и разбился – Элис не успела его поймать. Она горестно присела над ним. Нежная душа, подумал Квентин, наблюдая за этой маленькой драмой со смесью зависти и сочувствия – но именно тебя я должен буду побить.

– К завтрашнему дню прочтите, пожалуйста, первую главу «Истории магии» Ле Гоффа в переводе Ллойда, – говорил, завершая лекцию, Марч. – А также две первые главы «Практических упражнений для начинающих магов» Амелии Поппер. Эта книга перевернет ваши невинные души. Попробуйте сделать упражнения с первого по четвертое: на завтрашнем уроке каждый из вас покажет, как справился хотя бы с одним. Если же язык леди Поппер покажется вам трудным для понимания, прошу вас иметь в виду, что в следующем месяце мы начнем изучать средневековый английский, латынь и староголландский, по сравнению с чем английский восемнадцатого века станет для вас светлым воспоминанием.

Студенты принялись собирать вещи. Тетрадь перед Квентином, не считая сердитой зигзагообразной линии, так и осталась чистой.

– И последнее, – сказал Марч, перекрывая шум. – Я еще раз призываю вас рассматривать этот курс как чисто практический, при минимуме теории. Если вы начнете задумываться о природе того, что так медленно и так трудно вами усваивается, вспомните известный анекдот об английском философе Бертроне Расселе. После публичной лекции о строении Вселенной к нему подошла дама. Вы очень умный молодой человек, но все-таки ошибаетесь, сказала она. Всем известно, что Земля плоская и держится на спине черепахи. Рассел спросил, на чем же держится сама черепаха. Что за вопрос, сказала она. Там тоже черепахи – до самого низа!

Относительно Вселенной дама, разумеется, заблуждалась, но относительно магии была бы совершенно права. Многие великие маги тратили жизнь на то, чтобы добраться до корней своего дела. Радости такие поиски не приносят и бывают весьма опасными: чем глубже вы копаете, тем больше и страшнее становятся черепахи, а под конец они и вовсе оборачиваются драконами. Перед уходом все возьмите по стеклянному шарiku.

На следующий день Марч обучил их первому заклинанию. Произносить его следовало на каком-то неслыханном языке вроде цыганского (на эстонском, как много позже сказала Квентину Элис), шевеля при этом средними пальцами и мизинцами – это труднее, чем может показаться на слух. Те, кто справлялся с этим успешно, могли уйти, остальные должны были упражняться до достижения нужного результата. На вопрос, как же они узнают, правильно ли у них получилось, профессор ответил кратко: узнаете.

Квентин охрип, пальцы сводило судорогой. Свет за окнами начал меркнуть и угас окончательно. Стыд обдавал лицо жаром, пустой живот ныл, обед в столовой давно закончился. Компания неудачников насчитывала пять человек: все остальные, один за другим, делали характерный жест согнутой в локте рукой, говорили «йессс!» и покидали аудиторию. Первой, минут через двадцать, вышла Элис, но молча. Наконец – Квентин даже не понял, чем отличалась эта попытка от всех предыдущих – шарик на парте шевельнулся сам по себе.

Он тихо опустил голову на руку. В висках стучало, крышка парты приятно холодила разгоряченную щеку. Это не фокус, не обман зрения. Он сделал это. Магия реальна, и он способен ей овладеть.

Но сколько же всего придется учить, о господи. Стеклянный шарик оставался с ним до конца семестра – таков был подход безжалостного профессора Марча к магической педагогике. Квентин трогал его под столом во время обеда, носил во внутреннем пиджачном кар-

мане, клал в мыльницу, когда принимал душ. Брал с собой в постель и грезил о нем в короткие часы сна.

Квентин научился охлаждать шарик так, что тот покрывался инеем. Катал его по парте, не прикасаясь к нему. Шарик парил в воздухе, светился изнутри и становился невидимым – после чего Квентин сразу его терял, а профессор Марч материализовывал вновь. Он плавал в воде, проходил сквозь деревянный барьер, пролетал полосу препятствий, притягивал железо, словно магнит, – и все это было самыми началами магии, основой основ. Квентину сообщили, что результаты его экзамена – это хорошо известная аномалия, спонтанное проявление силы. Маг, подвергнутый первому испытанию, часто показывает, на что он способен, но могут пройти годы, прежде чем он повторит нечто подобное.

Из истории магии он узнал, что чародеи всегда жили среди обычных людей, оставаясь, как правило, неизвестными. Такие фигуры, как Леонардо, Роджер Бэкон, Нострадамус, Джон Ди и Ньютон, тоже были магами, но сравнительно низкой степени. Прославившись в большом мире, они заслужили презрение магического за неумение держать свое дерьмо при себе.

Тонкий, но большого формата том Амелии Поппер содержал разнообразные упражнения для пальцев и голоса, возрастающие по трудности и неудобству. Требуемый высокой точности магический жест сопровождался словами, которые полагалось шептать, выкрикивать или петь. Малейшая ошибка в словах и движениях вела к ослаблению, искажению или отмене чар.

Какое уж тут Филлори... Четуинов в каждой книге обучали чему-нибудь добрые наставники волшебной страны. Мартин в первой книге стал отличным наездником, а Хелен постигала навыки следопыта. Руперт в «Летучем лесу» научился метко стрелять из лука, Фиона в «Тайном море» брала уроки у мастера фехтования. Образовательная оргия, да и только. Пиршество знания.

Знали бы они, какой нудьгой может обернуться изучение сверхъестественного! Даже простейшие чары согласовывались, как глагол с подлежащим, с сотнями разных факторов: временем дня, фазой луны, целью и обстоятельствами наведения. Все это содержалось в таблицах и диаграммах, напечатанных микроскопическим шрифтом на пожелтевших листах ин-фолио. Половину каждой страницы занимали сноски с исключениями и особыми случаями, которые надо было заучить наизусть. Не думал Квентин, что магия – такой неточный предмет.

Было в ней, однако, что-то еще помимо зубрежки и упражнений – что-то, никогда не всплывавшее в лекциях Марча. Квентин не мог бы определить, что именно, но без этого ни одни чары не действовали бы на окружающий его мир. Сила воли? Предельная концентрация? Ясность мысли? Артистизм? В общем, так: чтобы твои чары сработали, вкладывайся в них весь, с потрохами.

Он чувствовал, как они срабатывают, чувствовал, как слова и жесты входят в контакт с таинственным магическим субстратом Вселенной. Пальцы у него теплели и начинали оставлять следы в воздухе, а сам воздух как будто сгущался, оказывая легкое сопротивление рукам, губам, языку. Мозг бурлил, как от смеси кофеина и кокаина. Он оказывался в самом сердце большой могущественной системы – он сам был ее сердцем. Он знал, когда его чары работали, и ему это нравилось.

В столовой Элиот все время садился со своими друзьями. Эта компания, занятая исключительно собой, то и дело раздражалась демонстративными взрывами смеха и очень мало интересовалась другими студентами. Что-то отличало их от всех остальных: похоже, они четко знали, кто они есть, и не нуждались в общественном подтверждении своего статуса.

Квентин, терзаемый беспардонной изменой Элиота, поневоле довольствовался обществом других первокурсников. Общество было не так чтобы очень светское: все больше молчали и оценивали друг друга, словно прикидывали, кто кого победит в смертельном интеллектуальном бою. Другими словами, эти девятнадцать закаленных бойцов очень походили на Квентина, а он не привык общаться с себе подобными.

Единственным человеком, с которым он, как и весь первый курс, очень хотел бы сблизиться, была Элис, создательница стеклянной зверюшки – но ее застенчивость, при всей академической продвинутости, доходила до такой степени, что даже заговаривать с ней не стоило. На вопросы в столовой она отвечала односложно и шепотом, не поднимая взгляда от скатерти, – создавалось впечатление, что ее гложет какой-то безмерный стыд. Элис была почти патологически неспособна смотреть кому-то в глаза и постоянно завешивала лицо волосами. Став помимо воли предметом всеобщего внимания, она испытывала тяжкие муки.

Квентин представить себе не мог, кто мог так запугать эту девочку – с ее-то талантами! Стремление победить ее в честной борьбе понемногу уступало желанию взять ее под свою защиту. Счастливой он ее видел один-единственный раз, когда Элис, оставшись одна, пустила камешек через весь фонтан и угодила между ног каменной нимфе.

Жизнь в Брекбиллсе подчинялась строгим правилам, доходящим во время трапез почти до уровня фетишизма. Обед подавали ровно в половине седьмого – опоздавшим не разрешалось садиться, и они ели стоя. Преподаватели и студенты сидели за одним бесконечным столом с мистической белизны скатертью и разномастными серебряными приборами. Освещение обеспечивали батальоны уродливых канделябров. Кормили здесь, вопреки традиции частных школ, отлично, на старый французский лад. Преобладали солидные блюда середины века вроде тушеной говядины и лобстера-термидора. Первокурсники под началом сурового Чамберса заменяли официантов и обедали после всех остальных. Третьему и четвертому курсам разрешалось выпить бокал вина, пятому, или финнам, как их почему-то все называли, – два бокала. Четверокурсников было всего десять вместо положенных двадцати, и все вопросы на эту тему решительно пресекались.

Квентин усваивал все это с быстротой моряка, выброшенного на чужой континент: либо выучишь местный язык, либо будешь съеден аборигенами. Два первых месяца пронеслись незаметно. Желтые и красные листья, словно гонимые незримыми метлами – может, так оно и было? – устлали Море, и шкуры древесных зверей в Лабиринте сделались пестрыми.

Каждый день после уроков Квентин гулял полчаса по кампусу. Однажды он наткнулся на крошечный виноградник: ржавые провололочные опоры для лоз напоминали канделябры в столовой. Виноград уже убрали, и только местами висели сморщенные изюминки.

Еще через четверть мили, в конце узкой лесной тропы, обнаружилось поле, разбитое на квадратики – травяные, каменные, песчаные, заполненные водой. Два квадрата были покрыты металлом, похожим на почерневшее серебро.

Никакой видимой ограды вокруг колледжа не было. С одной стороны протекала река, три остальные окружал лес. Преподаватели, как полагал Квентин, тратили много времени на защитные чары, делающие Брекбиллс невидимым для посторонних: они постоянно обходили территорию по периметру и вызывали друг друга с уроков, чтобы посовещаться.

Снег

Как-то в конце октября профессор Марч попросил Квентина задержаться после практических занятий. На ПЗ студенты занимались собственно чарами; совершать позволялось лишь простейшие действия под жестким контролем преподавателя, но все-таки это был маленький оазис после бескрайних песков зубрежки.

Этот урок сложился для Квентина неудачно. Класс для ПЗ напоминал химическую лабораторию: несокрушимые каменные столы, испещренные древними пятнами, и вместительные глубокие раковины. В воздухе клубились чары, установленные поколениями брекбиллских профессоров для того, чтобы студенты не навредили друг другу или самим себе. От них исходил легкий запах озона.

Партнер Квентина Сурендра, припудрив руки белым порошком (мука и пепел сожженного бука в равных частях), начертал в воздухе знаки свежесрезанным ивовым прутиком, после чего навел прут на свой шарик (по кличке Ракшас⁹) и аккуратно разрезал его пополам с первой попытки. Однако когда Квентин проделал те же манипуляции со своим шариком (по имени Мартин), тот лопнул, как перегоревшая лампочка. Квентин еле успел прикрыть глаза от осколков. Все остальные вытягивали шеи, чтобы полюбоваться на это зрелище: атмосфера на ПЗ царилась не слишком товарищеская.

Просьба профессора остаться после урока тоже не улучшила настроения. Пока Марч болтал с кем-то в холле, Квентин сидел на одном из несокрушимых столов и думал свою мрачную думу. Некоторым утешением служило то, что Элис тоже попросили остаться: она устроилась у окна, задумчиво глядя на медленно струящийся Гудзон. Шарик, как миниатюрный спутник, описывал круги над ее головой и порой стучался о стекло. Ей магия почему-то дается без всяких усилий – или это только со стороны так кажется? Квентину не верилось, что Элис приходится так же трудно, как и ему. Неизменно бледное лицо Пенни тоже маячило в классе: он носил форму, как все, но ирокез ему позволили сохранить.

Профессор Ван дер Веге, вошедшая вместе с Марчем, сообщила без предисловий:

– Мы располагаем перевести вас троих на второй курс в весеннем семестре. Вам понадобится много работать, чтобы сдать в декабре экзамен за первый год и потом не отстать от второкурсников, но вам это по силам, не так ли?

Вопрос был скорее риторический: всё уже решили за них. Трое студентов переглянулись и опять отвели глаза. Долгий опыт научил Квентина не удивляться, когда его оценивали выше всех остальных. Кошмар с разлетевшимся в пыль шариком понемногу уходил в прошлое, но в будущем, похоже, придется вкалывать будь здоров. Он даже не был уверен, хочется ли ему пропускать этот год.

– Чтобы нас продвинуть, кого-то придется оставить на второй год? – Вопрос Пенни бил в самую точку: в Брекбиллсе на каждом курсе учились двадцать студентов – ни больше ни меньше.

– Одни студенты обучаются быстрее других, – ответила на это профессор. – Мы хотим, чтобы каждый находился в наиболее удобной для него обстановке.

Больше вопросов не было. После подобающей случаю паузы профессор Ван дер Веге расценила их молчание как согласие и сказала:

– Прекрасно. Желаю удачи.

Таким образом Квентин, едва успев привыкнуть к первой фазе своей брекбиллской жизни, перешел в другую, куда более мрачную. До сих пор он не только работал, но и бездельничал, как и все: шлялся по кампусу и проводил время в общей комнате первого курса –

⁹ Демон в индийской мифологии.

не слишком опрятной, но уютной, с камином, сильно покалеченной мягкой мебелью и набором «развивающих» игр (магических вариантов викторины «Тривиал персьют», где недоставало карточек, фишек и кубиков). В стенном шкафу хранилась контрабандная аппаратура – старая приставка для видеоигр, подключенная к еще более старому телевизору. Вырубалась она каждый раз, когда кто-нибудь произносил заклинание в двухстах ярдах от нее, то есть почти постоянно.

Теперь у Квентина совсем не стало свободного времени. Элиот не раз предупреждал его, что придется худо, и начало учебного года служило тому подтверждением, но Квентин все еще не утратил веры в магию как в прекрасный волшебный сад, где плоды познания висят совсем низко – только руку протяни. Действительность оказалась намного суровее. Вместо сбора плодов он после ПЗ отправлялся в библиотеку, делал домашнее задание, обедал и возвращался в ту же библиотеку, где его ждал репетитор – профессор Сандерленд, у которой он на вступительном экзамене рисовал карты.

Эта красивая блондинка с соблазнительными формами ничуть не походила на чародейку. В основном она преподавала старшим курсам, четвертому и пятому – на первоодков у нее не хватало терпения. Когда Квентин достигал безупречного результата с жестами, словесными формулами и таблицами, ей хотелось еще раз увидеть седьмой и тринадцатый этюды Поппер, пожалуйста – медленно, вперед и в обратном порядке, просто чтобы закрепить пройденное. Руками она выделяла такое, что Квентин даже мысленно представить не мог. Это было бы просто невыносимо, не влюбись Квентин в профессора Сандерленд по уши.

Ему казалось даже, что он изменяет Джулии – но той, наверно, было бы все равно. К тому же профессор Сандерленд обитала в его новом мире, а Джулия осталась в том, прошлом. У нее, в конце концов, был свой шанс.

При новом распорядке он гораздо больше времени проводил с Элис и Пенни. Отбой для первокурсников был в одиннадцать, но им троим поневоле приходилось обходить это правило. Существовал, к счастью, один маленький класс – предание гласило, что он свободен от всяких следящих чар, без которых отбой наверняка бы не соблюдался. Возможно, его как раз и оставили для ситуаций такого рода. В душной, неправильной формы комнатухе без окон, куда преподаватели в ночные часы никогда не заглядывали, имелись стол, стулья и даже кушетка. Здесь и сидели Квентин, Элис и Пенни, когда их однокурсники отправлялись в постель.

Странная это была компания. Элис горбилась за столом, Квентин лежал на кушетке, Пенни расхаживал взад-вперед или усаживался на пол. Ненавистные книжки Поппер были заколдованы таким образом, что зеленели при правильном ответе и краснели от неправильного – но при этом не сообщали, где именно ты облажался, и это бесило.

А вот Элис всегда знала где. В их троице она выделялась неестественной гибкостью рук, обалденной памятью и ненасытностью к языкам. Пока ее товарищи еще брели через староанглийский, она уже резвилась в глубинах арабского, арамейского и церковнославянского. Болезненная застенчивость так и осталась при ней, но к Пенни и Квентину она попривыкла настолько, что порой роняла пару полезных слов. Чувство юмора, как выяснилось, тоже ей было не чуждо, хотя шутила она в основном на церковнославянском.

Пенни в любом случае ничего бы не понял: у него чувство юмора отсутствовало вообще. Свои упражнения он проделывал перед большим зеркалом в золоченой раме, на которое когда-то наложили забытое, почти выветрившееся заклятие; порой вместо Пенни в нем, как в телевизоре с плохо установленным кабелем, появлялся какой-то зеленый склон под пасмурным небом.

Пенни в таких случаях не прерывался и молча ждал, когда отражение восстановится. Квентину картинка с зеленым холмом почему-то действовала на нервы: ему мерещилось что-то страшное не то на самом склоне, не то глубоко под ним.

– Интересно, где находится это место в реальности, – как-то сказала Элис.

– Не знаю. Может, в Филлори, – предположил Квентин.

– Ты бы пролез сквозь зеркало – в книжках так всегда и бывает.

– А что? Может, все попробуем? Поучимся там месячишко, потом вернемся и все сдадим только так.

– Не говори только, что в Филлори будешь делать уроки. Это самое печальное, что я слышала в жизни.

– Народ, давайте потише, а? – Для панка Пенни был невероятно занудлив.

Настала зима – холодная, как всегда в долине Гудзона. Фонтаны замерзли, Лабиринт занесло снегом, древесные звери отряхивались. Трое избранных держались в стороне от остальных первокурсников – у Квентина лично не было ни сил, ни охоты противостоять чьей-то зависти или злобе. Внутри закрытого клуба «Брекбиллс» они образовали свой эксклюзивный клуб.

Квентин открывал в себе новые залежи трудолюбия. Им двигала, в общем, не жажда знаний и не желание оправдать доверие профессора Ван дер Веге. Он попросту испытывал знакомое извращенное удовольствие от тяжелой монотонной работы – то самое мазохистское наслаждение, которое побуждало его овладевать жонглированием, фараоновской тасовкой, съемом Шарлье и решать задачки по высшей математике еще в восьмом классе.

Нашлись старшекурсники, которые жалели трех марафонцев и возились с ними, как с хомячками в живом уголке: всячески их подначивали, приносили им после отбоя попить и поесть. Даже Элиот удостоил снабдить их нелегальными чарами и талисманами для борьбы с сонливостью и быстроты чтения. Трудно было понять, насколько они помогают; Элиот приобрел их у одного торговца-старьевщика, наезжавшего в Брекбиллс пару раз в год на старом фургоне.

Бессонный декабрь скользил мимо на тихих роликах. Работа утратила связь с какой бы то ни было целью, даже занятия с профессором Сандерленд потеряли для Квентина остроту. Ее великолепный бюст только попусту отвлекал его, мешая правильно расположить большой палец. Влюбленность перешла в депрессивную стадию: первая робкая страсть как-то сразу сменилась тоской по минувшему, так и не вылившись в настоящие отношения.

На лекциях профессора Марча Квентин дремал в заднем ряду, снисходительно презирав своих однокашников: они еще корпели над двадцать седьмым этюдом, в то время как он, преодолев головокружительные высоты пятьдесят первого, продолжал свое славное восхождение. Комнатушка, где они с Пенни и Элис занимались по ночам, сделалась ему ненавистна наряду с запахом кофе из сильно поджаренных зерен: он подумывал даже перейти на легкий амфетамин, принимаемый Пенни. Неприятный раздражительный тип, в которого он превращался, очень напоминал того Квентина, который, казалось, навеки остался в Бруклине.

Зато по уик-эндам, по крайней мере в дневное время, он мог работать где хотел. Большой частью он сидел у себя, но иногда взбирался по длинной винтовой лестнице в обсерваторию – почтенное, хотя и порядком устаревшее заведение на вершине одной из башен. Сквозь позеленевший купол торчал телескоп высотой с телеграфный столб, установленный где-то в девятнадцатом веке. Кто-то из персонала, нежно любивший этот музейный экспонат, до блеска начищал его медные сочленения.

В лаборатории было тепло и сравнительно малоллюдно: мало кому хотелось туда карабкаться, притом что телескоп был днем бесполезен. Это гарантировало Квентину день блаженного одиночества, но в одну из суббот позднего ноября он понял, что не ему одному пришлось это в голову. Когда он добрался до конца лестницы, люк был уже открыт.

Заглянув в круглую, полную янтарного света комнату, он точно оказался на какой-то чужой планете, до странности похожей на его собственную. Элиот стоял на коленях перед старым, драным оранжевым креслом – оно помещалось посередине, на вертящемся круге телескопа. Квентин не раз думал, кто его сюда притащил и зачем; здесь, конечно, не обошлось без магии, поскольку ни через люк, ни через маленькие окошки оно не пролезло бы.

Тот, кто сидел в кресле, был плохо виден, но Квентин вроде бы узнал одного ничем не примечательного второкурсника с прямыми темно-рыжими волосами – звали его, кажется, Эрик.

– Нет! – отрезал этот самый Эрик. – Ни в коем случае. – При этом он улыбался. Когда Элиот начал вставать, Эрик удержал его, но явно не грубой силой. – Ты знаешь правила, – сказал он, как будто обращаясь к ребенку.

– Ну пожалуйста... всего разок, а? – Квентин никогда не слышал, чтобы Элиот так канючил – и впрямь как ребенок – и никогда бы не подумал, что он на это способен.

– Ни в коем случае! – Эрик слегка надавил пальцем на длинный нос Элиота. – Сначала ты должен выполнить все, что положено, – и сними наконец эту свою рубашку.

Они, видимо, не впервые играли в эту игру. Ритуал, при котором присутствовал Квентин, не предназначался для посторонних.

– Хорошо, – капризно протянул Элиот, – хотя ничего плохого в ней я не вижу.

Тогда Эрик взял да и плюнул на эту рубашку, прямо Элиоту на грудь. Плюнул – и сам, кажется, испугался, не слишком ли перегнул. Дальнейшие действия Элиота Квентин рассмотрел хорошо: тот расстегнул ремень Эрика, повозился с ширинкой и спустил с него брюки, обнажив бледные ляжки.

– Эй, сучка, поосторожней, – предупредил Эрик – он не очень-то нежничал. – Ты знаешь правила.

Квентин сам не знал, почему после этого остался у люка – видно, просто оторваться не мог. Эмоциональный механизм Элиота открылся ему до мельчайших деталей. Как же он раньше не понял? Может, для Элиота это рутина – берет себе одного-двух мальчишек в год, а после бросает. Неужели он вынужден скрываться даже и в Брекбиллсе? Квентина где-то даже задевало, что Элиот вместо кого-то другого не обратился к нему... но разве он, Квентин, пошел бы на это? Нет, лучше уж так: отказа Элиот ему не простил бы.

Ни на чьем лице Квентин еще не видел такого голода, с которым Элиот взирал на предмет своих вожделений. Он вполне мог бы увидеть заглядывающего в люк Квентина, но ни разу не посмотрел в его сторону.

Квентин решил не ходить больше в обсерваторию.

Первый том «Практических упражнений» Амелии Поппер он закончил в ночь с воскресенья на понедельник, перед самым экзаменом. Осторожно закрыл книгу и посидел с минуту, глядя на переплет. Руки тряслись, голова плавала в невесомости, туловище налилось неестественной тяжестью. Он не мог больше оставаться в комнате для занятий, но и спать пока не хотел. Поднявшись с вихлястой кушетки, он объявил, что пойдет погулять.

Элис, к его удивлению, предложила пойти вместе с ним. Пенни стоял перед зеркалом, дожидаясь, когда зеленый холм сменится его стоической бледной физиономией, и на них не смотрел.

Квентин задумал пройти через Лабиринт и пересечь снежное Море до того места, откуда он появился в свой первый день. Посмотреть оттуда на темный Дом, подумать еще раз, почему пребывание здесь оказалось не таким уж и кайфом, а потом, достаточно успокоившись, отправиться спать. Полагая, что это точно так же можно сделать и вдвоем, он направился к выходящим на террасу стеклянным дверям.

– Не сюда, – сказала Элис. Если кто-то пытается открыть эти двери после отбоя, они включают тревогу в комнате дежурного преподавателя, объяснила она и показала Квентину безопасный боковой выход. Эта дверь, о которой он раньше не знал, пряталась за портьерой и выходила прямо в заснеженную живую изгородь.

Квентин был выше Элис дюймов на восемь, и почти все они приходились на ноги, но она шла с ним вровень. Преодолев Лабиринт при луне, они вышли в морозное Море. Глубина снега была примерно полфута, и они на ходу разгребали его ногами.

– Я сюда каждую ночь хожу, – нарушила молчание Элис, о которой одуревший от недосыпа Квентин успел позабыть.

– Каждую ночь? – тупо переспросил он. – Зачем?

– Да так... голову проветрить. – Ее дыхание белело в лунном морозном воздухе. – В башне для девочек думать трудно, такой там шум, а здесь тишина.

Странно, как легко ему было наедине с этой необщительной Элис.

– Тишина и холодина. По-твоему, они не знают, что ты нарушаешь режим?

– Знают, конечно. Фогг точно знает.

– На кой тогда...

– Выходить через боковую дверь? – Море расстилалось вокруг, как гладкая, подоткнутая по краям простыня. После недавнего снегопада здесь не ходил никто, кроме оленей и диких индеек. – Ему, по-моему, все равно, что мы выходим погулять ночью, но декорум все же следует соблюдать.

Дойдя до края луга, они оглянулись на Дом. В чьей-то учительской спальне на нижнем этаже горел одинокий огонь. Послышался крик совы, затянута облаками луна стояла над самой кровлей – декорация прямо из стеклянного шара со снегом, который так и хочется потрясти.

Квентину вспомнились сцены из «Мира в футляре часов», где Мартин и Фиона разыскивают в зимнем лесу заколдованные Часовщицей деревья: у каждого из таких в стволе большой циферблат. Для злодейки эта Часовщица странный персонаж: ничего особенно плохого, по крайней мере при свидетелях, она не делает. Видят ее обычно издали, с книгой в одной руке и старинными часами в другой; иногда она разъезжает в позолоченном, громко тикающем часовом экипаже. Ее лицо всегда скрывает вуаль, и повсюду она оставляет за собой заколдованные часовые деревья.

Квентин прислушался: никакого тиканья, только что-то потрескивает в лесу.

– Отсюда я пришел в первый раз, летом, – сказал он. – Знать не знал, что есть такой Брекбиллс – думал, что очутился в Филлори.

Элис засмеялась, неожиданно громко и весело. С чего это вдруг?

– Извини... Господи, как я обожала в детстве эти книжки про Филлори.

– А ты откуда пришла?

– Вон оттуда. – Она показала куда-то в лес. – Только не через портал, как ты.

Ну еще бы. Элис, ясное дело, явилась сюда не так, как все остальные. Не иначе прибыла в призрачной кабинке для голосования или в огненной колеснице, влекомой фестралами¹⁰.

– Меня ведь не пригласили, – с нарочитой небрежностью сказала она, но голос у нее дрогнул. – Мой брат здесь учился, и я тоже хотела, а приглашения все не было. На первый курс я уже опаздывала – я ведь на год старше тебя... Еще год, и у меня совсем не осталось бы шансов.

Квентин никогда бы не подумал, что она старше его.

– От Урбаны до Покипси я доехала на автобусе, а оттуда взяла такси, сколько дороги хватило. Ты заметил, что здесь совсем нет проезжих дорог? Ближайшая – это автострада

¹⁰ Крылатые кони из книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере.

штата Нью-Йорк. – Квентин впервые слышал от Элис такую длинную речь. – Вышла непонятно где, на обочине, и последние пять миль шла пешком. Заблудилась, ночевала в лесу...

– Как это в лесу? На земле?

– Надо было, конечно, палатку взять или что-то вроде. Я ничего не соображала тогда, истерика накатила.

– А брат разве не мог тебя встретить?

– Он умер.

Она сказала это чисто информативным тоном, но Квентин опешил. Надо же – брат, да еще и умерший... Значит, она не какое-нибудь волшебное существо?

– Слушай, Элис, это бессмысленно. Ясно же, что ты на курсе умнее всех.

Она отвела его комплимент нетерпеливым движением плеча, продолжая смотреть на Дом.

– Значит, ты пешком пришла? А они что?

– Не могли поверить. Считается, что самостоятельно Дом невозможно найти – тут ведь кругом тонны древнего волшебства. Если применить правильные чары, видно, что весь здешний лес пылает, будто его подожгли. А тут я заявляюсь, как бродяжка бездомная: в волосах прутья, да еще проревела всю ночь. Профессор Ван дер Веге сжалилась надо мной: напояла кофе и позволила сдать экзамен в индивидуальном порядке. Фогг не хотел, но она на него надавила.

– И ты прошла.

Элис опять повела плечом.

– Я все-таки не въезжаю: почему тебя не пригласили, как всех остальных?

Элис молчала, сердито глядя на затянутую дымкой луну. Щеки у нее стали мокрыми: наверно, Квентин нечаянно произнес вслух то, что не давало ей покоя с самого начала учебного года. Не он один чувствует себя здесь аутсайдером, с запозданием дошло до него. Элис не просто соперница, рвущаяся победить за счет его душевного равновесия. Она такой же человек с собственными чувствами и надеждами. У нее своя история и свои ночные кошмары. По-своему она такая же несчастная, как и он.

На них падала тень гигантской, косматой, замеченной снегом голубой ели. Мы ж Рождество пропустили, вдруг спохватился Квентин. Не по брекбиллсскому времени, а по реальному. Во всем мире Рождество два месяца как отпраздновали, а он и не вспомнил. Родители что-то такое говорили по телефону, но ему тогда было не до того. Интересно, что Джеймс и Джулия делали на каникулах? Они собирались все втроем ехать в Лейк-Плэсид – там у ее родителей домик.

До чего же ему тогда есть дело, раз даже Рождество ничего больше не значит? Опять пошел снег, запорашивая ресницы. На кой черт, если подумать, они так пашут? Ради знания? Ради власти? Сплошные абстракции. Настоящий ответ где-то рядом – вьется, да не ухватишь.

Элис поежилась и обхватила себя руками.

– Это все равно, как ты тут оказалась, – неуклюже проговорил Квентин. – Я рад, что ты с нами. Мы все рады. – Он обнял ее поникшие плечи. Она в ответ не прислонилась к нему, но и припадка, чего он опасался, с ней не случилось. – Пошли-ка назад, пока Фогг совсем не взбесился. Завтра у нас экзамен – если не выспишься, никакого удовольствия не получишь.

Экзамен сдавали утром, в третий понедельник декабря. Два часа на письменную часть, два на устную. Практических чар от Квентина почти не потребовалось. Сидя в пустом классе с тремя экзаменаторами – двумя брекбиллскими и одной приезжей, говорившей то ли с германским, то ли со швейцарским акцентом, – он произносил заклинания на староанглийском,

опознавал словесные формулы и разными пальцами выписывал в воздухе разной величины круги. С белого неба за окнами сыпал снег. Скучота, в общем, никакого адреналина.

Утром следующего дня каждому под дверь просунули результаты – на толстой кремовой бумаге, используемой обычно для свадебных приглашений. Квентин и Элис сдали, а Пенни нет.

Пропавший мальчик

В конце декабря всех распустили на каникулы. Квентин сам не знал, почему родной дом так пугает его, но потом понял. Не дома он боялся, а того, что его не возьмут обратно. Запрут дверь в тайный сад, и все. Сам он никогда ее не найдет среди плюща и сплошной каменной кладки – придется ему навсегда остаться в реальном мире.

В конце концов он все же отправился домой на пять дней. Знакомый домашний запах – смесь стряпни, масляных красок и пыльных ковров, – и отчаянно веселая мамина улыбка, и заросший радостный папа снова сделали его прежним Квентином, ребенком, который всегда будет жить в невыметенном углу его взрослой души. Он поддался старой иллюзии, говорившей: зачем тебе уходить куда-то? Это и есть твоя настоящая жизнь.

Но длилось это недолго. Разве мог он променять свою комнату в башне на старую бруклинскую спальню с облупившейся штукатуркой, зарешеченным окном и видом на крошечный огороженный кусочек земли? Безразличие и вежливое любопытство родителей были равно невыносимы ему. Он перешел жить в иной, сложный и загадочный мир за пределами их понимания.

Домой он прибыл в четверг, в пятницу послал эсэмэс Джеймсу, в субботу утром встретился с ним и Джулией на заброшенной пристани у Гоэнуса. Трудно сказать, чем им так нравилось это место: может быть, одинаковой удаленностью от всех трех домов и еще уединенностью. Сначала проходишь по упирающемуся в канал тупику, потом перелезаешь через железную загородку. Все, что находится у воды, имеет свою привлекательность, какой бы застойной и грязной эта вода ни была. Можно сидеть на бетонных надолбах и кидать гравий в подернутый радужной пленкой Гоэнус. На том берегу торчал сгоревший кирпичный склад – чье-то элитное жилье в будущем.

Квентин был рад повидать снова Джеймса и Джулию, но еще приятнее было смотреть со стороны на себя самого и отмечать, как он изменился. Брекбиллс исправил его. Он уже не тот лох, каким был в день своего ухода, не второй номер при Джеймсе, не надоедливый ухажер Джулии. При первых приветствиях и объятиях он обнаружил, что Джеймс для него больше не лидер, а любовь к Джулии, хоть и не прошла целиком, преобразилась в тупую, почти неощутимую боль; рана зажила, но осколок еще сидел в теле.

Он не подумал о том, что они-то, может, не так уж ему и рады. Квентин, конечно, исчез внезапно, без объяснений, но чтобы они сочли это таким уж обидным? Рассказывая о своем загадочном учебном заведении, в которое его непонятно как приняли, он не заикливался на расписании и налегал больше на архитектуру. Джеймс и Джулия, слушая его, прижимались друг к другу (в Бруклине был март), как пожилые супруги на лавочке в парке. Джеймс, дождавшись своей очереди, понес о проектах, о выпускном вечере, об учителях – Квентин про них за полгода ни разу не вспомнил. Прямо не верилось, что эта бодяга продолжается как ни в чем не бывало и Джеймс в ней видит какой-то смысл, не видя, как все изменилось. Когда магия делается реальной, все остальное реальность утрачивает.

А Джулия... что случилось с его тоненькой, веснушчатой Джулией? Может, он совсем ее разлюбил и впервые видит в истинном свете? Вроде бы нет. Волосы у нее отросли и лежат гладко – как-то она их выпрямила; под глазами круги, которых не было раньше. При нем она курила только на вечеринках, а теперь смолит только так, еле успевает бычки совать в полый железный столбик. Даже Джеймс, кажется, нервничает из-за нее, а она смотрит на них обоих с прохладцей, и черная юбка вьется вокруг ее голых коленок. После Квентин не мог припомнить, проронила ли она хоть слово за все это время.

Вечером, уже соскучившись по только что покинутому волшебному миру, он порылся на своей книжной полке и читал до трех ночи «Летучий лес». Эта книжка вообще-то не

самая интересная в серии: там рассказывается о Руперте, самом бестолковом из Четуинов. Он и красивая, как принцесса, Фиона пробираются в Филлори через верхушку его любимого дерева и до конца истории ищут, откуда исходит тиканье, мешающее спать их другу сэру Пятниссу (леопарду с исключительно острым слухом).

Оказывается, во всем виноваты гномы: они опустошили изнутри целую гору и сделали из добытой меди огромнейшие часы (Квентин не замечал раньше, что у Пловера настоящий сдвиг на часах). В самом конце Руперт и Фиона зовут на помощь доброго великана, который попросту закапывает эти часы поглубже своей громадной мотыгой, умиротворив тем самым и леопарда, и гномов – они, как пещерные жители, не против жить под землей. Брат с сестрой навещают королевский замок Белый Шпиль, опять-таки устроенный как часовой механизм. Пружина, расположенная под ним, заводится от ветряных мельниц и кружит башни в медленном торжественном танце.

Квентин, побывав в Брекбиллсе и узнав кое-что о реальной магии, стал относиться к Пловеру намного критичнее. Зачем, собственно, гномам было сооружать такие часы? Развязка тоже не очень-то впечатляет: слишком похоже на «Сердце-обличитель» Эдгара По. Ничто не остается погребенным навечно. И где тот самый летучий лес, о котором говорится в заглавии? Где Эмбер и Амбер, могучие близнецы-овны, блюдущие порядок в волшебной стране? Вообще-то они редко показываются после того, как Четуины взяли их функции на себя – их главная задача, похоже, состоит в том, чтобы не давать детям задерживаться в Филлори слишком долго. Именно Эмбер и Амбер выдворяют Четуинов назад в Англию в конце каждой книги, к неудовольствию Квентина. Почему бы просто не разрешить им остаться, что в этом плохого?

Ясно, что Кристофер Пlover не имел о реальной магии никакого понятия. Он даже не англичанин: в аннотации на обложке сказано, что он родился в Америке, нажил состояние на мануфактурных товарах и переселился в Корнуолл в 1920-х, как раз перед биржевым крахом. Всю жизнь оставался холостяком, стал англофилом, произносил свою фамилию на английский лад – Плаввер – и обитал, как сельский сквайр, в огромном доме, набитом всяческим барахлом. (Только американский англофил и способен создать такой мир, как Филлори, – более английский, чем сама Англия.) Легенда гласит, что по соседству с ним действительно жила семья Четуин. Сам он всегда утверждал, что о Филлори рассказывали ему соседские дети, а он только записывал.

Но подлинная тайна «Летучего леса», многократно проанализированного как литературоведами, так и фанатами, заключена в его последних страницах. Как только Руперт и Фиона, разгадав с тикающей проблемой, садятся пировать с сэром Пятниссом, его гибкой красавицей женой и пушистыми детишками, к ним является Мартин, старший из Четуинов, открывший Филлори в первой книге.

Мартину уже тринадцать – многовато для приключений в Филлори. В первых книгах это нестойкий характер, мгновенно переходящий от радости к унынию и обратно. В «Летучем лесу» он находится в депрессивной фазе и быстро ссорится с более стабильно жизнерадостным Рупертом. Они вопят и дерутся, как истые англичане, а клан Пятниссов наблюдает за этим с леопардовым юмором. Выйдя из боя, Мартин с оторванной пуговицей и выбившейся из брюк рубашкой кричит младшим, что это он открыл Филлори – ему и продолжать историю, а вовсе не им. И почему их всегда отправляют домой? Так нечестно: в Филлори он герой, а дома никто. Фиона ледяным тоном просит его не вести себя как ребенок, и Мартин уходит в чащу Темного леса, проливая скупые слезы английского школьника.

Уходит... и больше не возвращается. Филлори поглощает его навсегда. В последних двух книгах, «Тайное море» и «Блуждающая дюна», брат и сестры безуспешно ищут его (Квентину вспомнился умерший брат Элис). Квентин, как и большинство фанов, предполагал, что Пlover намеревался вернуть раскаявшегося Мартина назад в заключительной

книге серии – но автор скончался, когда ему не было еще и шестидесяти. «Блуждающую дюну» он оставил в рукописи, и в его черновиках не нашлось ответа на эту загадку. Она, как в неоконченном романе Диккенса «Тайна Эдвина Друда», никогда не будет разгадана, и Мартин навсегда останется мальчиком, пропавшим без вести в сказочной стране Филлори.

Может быть, ответ содержался в «Волшебниках», той книге, которую Квентин держал в руках, но и она пропала бесследно. Он вывернул Дом наизнанку, допросил всех и каждого и был вынужден сдаться. Кто-то из Брекбиллса взял ее, выбросил, потерял... но кто и зачем? Может, это вообще была ненастоящая рукопись.

В воскресенье Квентин проснулся рано и понял, что с него хватит. Пора возвращаться к своей новой жизни. При минимальном чувстве вины он поведал родителям, что вообще-то договорился... богатый сосед по общежитию, лыжное шале в Нью-Гэмпшире... я понимаю, что дотянул до последнего, но ничего, если я? Новая ложь, но приходится изворачиваться, если ты тайный маг, да еще и несовершеннолетний. Через полчаса он уложил чемодан – почти все его вещи остались в колледже, – вышел на улицу и направился напрямик в заброшенный сквер.

Очень скоро он добрался до задней ограды, за которой виднелся соседний двор. Неужели этот сквер такой маленький? В прошлый раз он показался ему густым лесом. Некоторое время Квентин ходил взад-вперед, топтал сорняки с недогнившими тыквами и психовал. Что не так? Может, все дело в пропавшей рукописи – или он выбрал не то время дня?

Он зашел поесть в пиццерию. Хоть бы не попасться на глаза никому из знакомых – он сейчас должен держать путь на гору Алиби, штат Нью-Гэмпшир. Что делать, если фокус не получился? Он сидел с багажом в кабинке, смотрел на свое отражение – почему во всех пиццериях зеркальные стены? – и читал полицейскую сводку в бесплатном еженедельнике «Парк-Слоуп». Зеркала отражались в зеркалах; он не сразу заметил, что вокруг стало тихо, свет изменился, плитка под ногами превратилась в блестящий паркет. Подняв глаза, он увидел, что жует свою пиццу в гостиной первого курса.

На следующий курс их с Элис перевели без шумихи и торжественных церемоний. Второкурсники занимались в полукруглой аудитории, солнечной, но жутко холодной: окна, замерзшие изнутри, никогда не оттаивали. По утрам их учила профессор Птипуад, древняя гаитянка с легким приветом: она носила черную остроконечную шляпу и требовала, чтобы к ней обращались не «профессор», а «ведьма». Когда ей задавали вопрос, она, как правило, отвечала: «Никакой вред, делать что вы хотите», – но при наглядном показе ее коричневые узловатые пальцы оказывались еще ловчее, чем у профессора Сандерленд. ПЗ вел профессор Хеклер, длинноволосый немец чуть ли не семи футов ростом.

Подружиться с двумя новенькими никто не стремился. Квентин и Элис оказались как бы на необитаемом острове: первокурсники злились на них, второкурсники игнорировали. Элис перестала быть примой: на втором курсе имелись свои, в частности громогласная плечистая девушка с прямыми сальными волосами, Аманда Орлов, дочь пятизвездного генерала. Ее постоянно вызывали продемонстрировать то или это, и она орудовала своими ручищами так, точно кубик Рубика собирала: магия, похоже, силой извлекалась из воздуха.

Все кругом считали Квентина с Элис близкими друзьями, если не парой – и это, как ни смешно, в самом деле помогло их сближению. Им стало гораздо проще друг с другом с тех пор, как Элис открыла Квентину стыдный секрет своего появления в Брекбиллсе. После этого ночного признания она как-то раскрепостилась и все чаще говорила нормальным голосом, а не шепотом. Квентин все время ее поддразнивал, добиваясь, чтобы и она ему отвечала тем же. Они еще не были друзьями по-настоящему, но все к тому шло. Квентин чувствовал себя медвежатником, угадавшим после долгих кропотливых комбинаций первую цифру.

Быть изгоем ему надоело, и как-то в воскресенье он позвал гулять своего бывшего партнера Сурендру. Без особой цели они пошли через Лабиринт. Солнце светило, но холод пока не сдавал позиций. Зеленые стенки обледенели, в тени еще лежал снег. Сурендра, бенгалец по происхождению, был сыном очень богатого компьютерщика из Сан-Диего; только после близкого знакомства Квентин узнал, сколько сарказма таится за этой благостной круглой мордашкой.

По дороге к Морю к ним примкнула одна второкурсница, Гретхен. Эта стройная длинноногая блондинка вполне бы могла танцевать в балете, если бы не ее хромота, связанная с каким-то врожденным дефектом коленных связок.

– Привет, мальчики, – крикнула она, опираясь на трость.

– Принес черт хромую, – пробормотал Квентин.

Каждому встречному Гретхен спешила объяснить, что именно увечью обязана своим даром – если сделать операцию, она утратит магические способности. Никто не знал, правда ли это.

Они остановились на краю луга, не зная, куда, собственно, идти дальше и нужно ли им это в принципе: Гретхен и Сурендра не были раньше знакомы. Они немного поболтали об учителях, экзаменах и так далее. Сурендра, не знавший реалий второго курса, начинал дуться. Квентин запустил далеко в траву мокрый холодный камешек, совсем заморозив руку – он был без перчаток.

– Пошли вон туда, – сказала наконец Гретхен и сноровисто заковыляла по Морю. Квентин еле удерживался от смеха, глядя на это. Пройдя по узкой гравиевой дорожке сквозь голые тополя, они оказались на самом краю территории колледжа.

Квентин уже как-то видел это поле с квадратами, точно из «Алисы в Стране чудес». В длину оно было больше, чем в ширину, а квадраты площадью примерно в квадратный ярд имели разное покрытие: вода, камень, песок, трава и серебристый металл.

Травяные были аккуратно подстрижены, в водных отражалось синее небо.

– Это что? – спросил Квентин.

– Как это – что? – отреагировал Сурендра.

– Может, сыграем? – Гретхен перешла на ту сторону, где стоял белый высокий стул – как для спасателя на пляже или теннисного судьи.

– Так это игра?

– Ну ты даешь, – пробурчал Сурендра, сообразив наконец, что он знает нечто не известное Квентину. Гретхен обменялась с ним понимающим взглядом – она была из тех, кто сразу становится с незнакомцами запанибрата – и объявила торжественно:

– Это вельтерс!

– То есть игра, – мирно повторил Квентин, сокрушенный их общим презрением.

– Больше чем игра, – ответила Гретхен.

– Это страсть, – поддакнул Сурендра.

– Стил жизни.

– Образ мышления.

– Могу объяснить, если у тебя есть в запасе лет десять. – Гретхендохнула на руки. – Одна команда становится на одном конце, другая на другом, и каждая старается занять побольше квадратов.

– Как занять?

– С помощью ма-аагии! – зашевелила пальцами Гретхен.

– А метлы где? – только наполовину шутливо осведомился Квентин.

– Метел не полагается. Вельтерс больше похож на шахматы. Его придумали с миллион лет назад – сначала в учебных целях, по-моему, или как альтернативу дуэлей. Чтобы студенты не мочили друг дружку, им подсунули вельтерс.

– Вот было времечко.

Сурендра попробовал перескочить с места через водный квадрат, оступился и угодил каблуком в воду.

– Тьфу ты блин! Ненавижу вельтерс!

С верхушки вяза снялась ворона. Перистые облака за деревьями зажглись холодным розовым пламенем.

– Я уже пальцев не чую, – пожаловался Сурендра. – Пошли обратно.

Все молча, дыша на руки и потирая их, направились к Морю. К закату стало еще холоднее, деревья чернели на фоне неба – надо было спешить, чтобы успеть переодеться к обеду. Квентина одолевала предвечерняя грусть. Дикае индейки настороженно стояли на краю леса, как динозавры-велосирапторы.

Двое других стали задавать Квентину вопросы про Элиота:

– Вы с ним правда друзья?

– Да! Откуда ты вообще его знаешь?

– Не то чтоб друзья... он все больше тусуется со своими. – Квентин втайне гордился тем, что общественное мнение, пусть незаслуженно, связывает его с Элиотом.

– Ну да, с физиками, – подтвердил Сурендра. – Те еще лузеры.

– Почему они физики?

– Они все специализируются по физической магии. Дженет Уэй и толстый этот, Джош Хоberman.

Сурендра, дыша паром в темнеющем Лабиринте, объяснил, что на третьем курсе все студенты выбирают отрасль магии, по которой будут специализироваться – вернее, преподаватели им выбирают. Потом их делят на группы согласно выбранному предмету.

– Внутри этих групп они, как правило, и общаются. Физика – самая редкая дисциплина, снобизм так и прет, и потом Элиот... ну, ты знаешь.

Гретхен ухмылялась, нос у нее покраснел от холода. Они уже дошли до террасы; розовый закат отражался в стеклянных дверях.

– Нет, не знаю, – сухо ответил Квентин. – Может, скажешь, что имеешь в виду?

– Не знаешь?! – Гретхен в экстазе схватила Сурендру за руку. – Спорю, он из этих, из элиотовских...

В этот момент двери распахнулись, и на террасу как бешеный вылетел Пенни – без пиджака, в незаправленной рубашке, особенно бледный в наступающих сумерках. Сделав последний мелкий шаг, он замахнулся и врезал Квентину кулаком по лицу.

Драки в Брекбиллсе были почти неслыханным делом. Студенты сплетничали, интриговали, вредили друг другу на ПЗ, но физическое насилие? В Бруклине Квентин видел иногда, как дерутся, но это был не его стиль. Сам он никого не задира, к нему, спасибо высокому росту, тоже не приставали, братьев у него не было – со времен начальной школы его еще ни разу не били.

Он успел разглядеть, как в стоп-кадре, кулак Пенни – огромный, точно комета, проходящая в опасной близости от Земли, – и его правый глаз полыхнул огнем. Квентин, отлетев назад, поднес руку к пострадавшему месту универсальным жестом человека, которому только что дали в глаз. Пенни без промедления нанес следующий удар; Квентин успел пригнуться и получил по уху.

– Какого черта? – заорал он. К выходящим на террасу окнам прилипли десятки заинтересованных зрителей.

Сурендра и Гретхен тарасились на него в ужасе, раскрыв рты, как будто это он первый начал. У Пенни, видно, были свои понятия о технике кулачного боя: он подскакивал, бил по воздуху и мотал головой, как киношный боксер.

– Какого хрена ты вытворяешь? – снова завопил Квентин, испытывая не столько боль, сколько шок.

Пенни стиснул зубы, изо рта у него сочилась слюна, глаза смотрели неподвижно, зрачки расширились – Квентин читал где-то про такой взгляд. Увернувшись от очередного удара в голову, он обхватил Пенни за пояс. Они покачались, как пьяная вальсирующая пара, и врезались в кусты у террасы. Их тут же осыпало снегом. Квентин, превосходящий Пенни ростом и длиной рук, уступал ему в мышечной массе. Чуть погодя они наткнулись на каменную скамейку и рухнули – Пенни сверху.

Квентин треснулся затылком о камень, но вспышка боли пошла ему только на пользу: голова миготом очистилась от страха и большинства сознательных мыслей, точно кто посуду смел со стола. Освободившееся место заполнила слепая ярость.

Оба катались, держа противника мертвой хваткой и не давая ему ударить. Пенни рассадил обо что-то лоб. Квентину не терпелось продолжить бой стоя, сделать из гада котлету. Гретхен, пытаясь помочь ему и достать Пенни палкой, в итоге огрела его.

Оказавшись наверху, он почти уже высвободил кулак, но тут чьи-то сильные руки чуть ли не с нежностью обхватили его за грудь и оттащили назад. Окровавленный Пенни тут же взвился, как на пружинах, но целая куча народу отделила его от Квентина. Чары пали, драка закончилась.

Все последующее слилось в вереницу комнат и людей, которые что-то говорили ему и промокали его раны тампонами. Пожилая женщина с огромным бюстом – он видел ее впервые – обработала глаз зельем из кедра и тимьяна, а к затылку приложила что-то холодное. Под слова, которые она шептала на каком-то восточном языке, боль понемногу прошла.

По коридорам Брекбиллса он шел как в акваланге, тяжелый и невесомый одновременно. Вокруг шмыгали любопытные рыбы. Младшие смотрели на него с почтительным страхом, старшие от души веселились. Квентин решил, что ему тоже следует отнестись к этому с юмором, и чуть не заплакал, увидев соболезнущего Элиота. Оказалось, что драку, легки на помине, остановили именно физики, а Квентина от Пенни оттащил толстяк Джош Хоберман.

Он пропустил почти весь обед и пришел только к десерту – достойное завершение паршивого дня. Вопреки правилам, он сел, и никто ему не препятствовал. Все окружающее он видел как через плохо подобранные очки и слышал как через приставленный к стенке стакан. С чего вдруг Пенни на него кинулся? Они учатся не где-нибудь там, а в Брекбиллсе – зачем же вести себя как последняя сволочь?

Квентин собрался все-таки съесть что-нибудь, но первый же кусок шоколадного торта заставил его опрометью ринуться в туалет. Когда его вырвало, он ощутил на себе действие мощного гравитационного поля: стопа незримого великана вдавливала его в холодную грязную плитку.

Очнулся он – если это можно было определить словом «очнулся» – в незнакомой постели с сильной головной болью. Зрение не фокусировалось, мозг сомневался в собственной адекватности. В Брекбиллсе был лазарет, но Квентин раньше в нем не бывал, не знал даже, где он находится. В мир хворых и увечных его привел, видимо, еще один тайный портал.

Мягкие, прохладные женские пальцы что-то делали с его черепом.

Квентин откашлялся, ощутив горький вкус в горле.

– Я вас знаю. Вы работали в «Скорой помощи».

– Ты правильно употребил прошедшее время. Это был разовый выезд, но мне, признаться, понравилось.

– В тот самый день, когда я здесь оказался.

– В тот самый, – подтвердила она. – Хотела удостовериться, что ты попадешь на экзамен.

– А здесь вы что делаете?

– Так, захожу иногда.

– Я вас ни разу не видел.

– Потому что я не хочу, чтобы меня кто-то видел.

Потом он, вероятно, уснул, но женщина никуда не делась, и он продолжил с того же места:

– Мне нравится ваша прическа. – Ее волосы на этот раз были подняты кверху, и лицо выглядело немного иначе. В тот раз она показалась ему совсем молодой, но сейчас, внешне не изменившись, держалась скорее как женщина среднего возраста.

– Да... косички – это уж слишком.

– Тот человек умер на самом деле? Что с ним случилось?

– Ничего. – На переносице у нее прорезалась вертикальная черточка. – Просто взял и умер без особых причин – с людьми такое бывает.

– Я думал, вдруг это как-то связано с моим появлением здесь.

– Ложной скромностью ты не страдаешь. Перевернись на живот.

Квентин повиновался, и она смочила ему чем-то затылок. Ссадину зашипало.

– То есть одно к другому отношения не имеет?

– Эта смерть означает не больше, чем любая другая. У меня все – выздоравливай, Квентин. Ты нам нужен в боевой форме.

Он опять лег на спину, закрыл глаза. Подушка успела остыть. Будь он в порядке, постарался бы все-таки докопаться, кто она и какую роль играет в его истории... или он в ее. Но он был далеко не в порядке.

– Тетрадь, которую вы мне дали... я ее, кажется, потерял. Не успел прочитать. – Потеря заключительной книги «Филлори» в нынешнем пограничном состоянии представилась Квентину непоправимой трагедией. Теплая слеза сбежала по щеке в ухо.

– Ты и не должен был, – успокоила его женщина. – Время еще не пришло. Она найдется, если как следует поискать – это я тебе, во всяком случае, обещаю.

О Филлори всегда говорили нечто подобное. Женщина положила что-то холодное на его пылающий лоб, и Квентин забылся.

Когда он снова пришел в себя, женщина исчезла, но рядом с ним кто-то был.

– У тебя сотрясение мозга, – сказал этот кто-то – его голос, как видно, и привел Квентина в чувство. Голос был чем-то ему знаком, и это неким образом успокаивало.

– Эй, Кью? Ты как, в себе? Профессор Моретти сказала, что у тебя контузия.

Голос принадлежал Пенни. Осознав это, Квентин разглядел на подушках его бледный лик – по ту сторону прохода и на одну койку ниже.

– Из-за этого тебя и рвало. Ты, наверно, стукнулся головой, когда мы кувыркнулись через скамейку. – Пенни больше не злился – куда что делось – и чирикал как нанятый.

– Я знаю, что стукнулся, – медленно выговорил Квентин. – Голова была моя, как-никак.

– На умственные способности, если тебе интересно, это не повлияет. Я спрашивал – Моретти сказала, что нет.

– Уже легче.

– Последовала долгая пауза. Где-то тикали часы. В «Блуждающей дюне», последней книге о Филлори, очень трогательно рассказано, как маленькая Джейн, самая младшая Четун, простуживается и проводит неделю в постели, беседуя с Рисовальщиком на борту славного корабля «Летающий по ветру», а ухаживают за ней пушистые зайчики. Квентину

всегда нравилась Джейн, умненькая и наделенная непредсказуемым юмором – не то что ее сладковатые, типа Дика и другой Джейн¹¹, братья и сестры.

Сколько сейчас времени, хотелось бы знать.

– А ты что, тоже потерпевший? – спросил Квентин. Он еще не решил, заключать с Пенни мир или нет.

– Я разодрал лоб об твой зуб, а еще ты боднул меня и сломал мне нос. Они починили его раствором Пуласки – сроду не слышал, чтобы его применяли где-то, ну разве только ветеринары. На козьем молоке, представляешь?

– Я вообще не помню, что двинул тебя головой.

Часы отсчитали тридцать секунд.

– У тебя фонарь-то здоровый? – спросил Пенни. – Мне не видать.

– Не то слово.

– Да, надо думать.

Квентин осушил стакан с водой, стоявший на тумбочке, и снова упал на подушки. Что бы ни делала с ним мнимая парамедичка, излечился он явно не до конца.

– Пенни, чего это тебя повело меня бить?

– По-другому нельзя было. – Вопрос, судя по тону, его шокировал.

– Нельзя, значит. – Квентину показалось, что он не так уж и слаб. – И что я такого сделал?

– Что сделал? Да ничего. – Пенни говорил так, будто не раз репетировал эту свою финальную речь, но под пленкой спокойных слов закипала прежняя маниакальная злоба. – Тебе, например, не пришло в голову поговорить со мной, проявить хоть какое-то уважение. Ни тебе, ни твоей подружке.

Господи боже. Этого еще не хватало.

– Ты про кого это, неужели про Элис?

– Да брось ты. Сидите, переглядываетесь, смеетесь мне прямо в глаза. Я-то думал, что мы все будем делать вместе – можешь в это поверить?

Квентин узнал этот стиль. Его родители как-то раз сдали первый этаж одному коротышке, страховому агенту. С виду он был нормальный, а потом начал писать им записки, требуя, чтобы его прекратили снимать на камеру, когда он выносит мусор.

– Не будь идиотом, – сказал он. Позиция «я выше этого» тут не годилась – можно было заработать повторное сотрясение мозга. – Ты вообще-то задумывался, как выглядишь со стороны? Строишь из себя панка и полагаешь, что все после этого захотят общаться с тобой?

Пенни пытался сесть.

– Помнишь тот вечер, когда вы пошли погулять? Нет бы извиниться, или позвать меня, или там попрощаться – ушли, и все тут. А потом что? Вы сдали, а я нет. По-твоему, это честно? Чего ты, собственно, ждал?

Вот, значит, в чем дело.

– Нормально, Пенни. Ты, конечно, должен был дать мне в морду, раз экзамен не сдал. Почему бы тебе заодно не побить профессора Ван дер Веге?

– Я не позволю ноги об себя вытирать. – Голос Пенни звучал очень громко в пустой палате. – Неприятности мне не нужны, но если будешь нарываться, получишь снова. Думаешь, этот мир – твое личное фэнтези? Думаешь, можешь делать в нем все, что хочешь? Попробуешь меня опустить – получишь еще раз!

Они так орали, что Квентин не услышал, как в палату вошел декан Фогг в расшитом шелковом кимоно и диккенсовском ночном колпаке. Квентин сначала подумал, что он несет свечку, но потом разглядел, что светится его поднятый указательный палец.

¹¹ «Дик и Джейн» – книжки для начинающих, по которым учились читать несколько поколений американцев.

– Довольно, – сказал он тихо.

– Декан Фогг! – воззвал, как к долгожданному голосу разума, Пенни.

– Я сказал, довольно. – Квентин ни разу не слышал, чтобы декан повышал голос – не случилось этого и теперь. Днем Фогг мог выглядеть как комический персонаж, но сейчас, ночью, в этом своем кимоно, казался таинственным, могущественным волшебником. – Будете говорить, только когда я задам кому-то вопрос, понятно?

Квентин, не зная, следует ли засчитать это как вопрос, молча кивнул. Голова у него разболелась еще сильнее.

– Да, сэр, – выпалил Пенни.

– Я достаточно наслушался об этом возмутительном инциденте. Кто был зачинщиком?

– Я, – тут же ответил Пенни, – сэр. Квентин здесь ни при чем.

Квентин счел за лучшее промолчать. Пенни, конечно, полный кретин, но у него есть свои кретинские принципы, и он за них держится.

– Да, конечно – просто твой нос нечаянно подвернулся под его лоб. Намерены продолжать в том же духе?

– Нет, сэр.

– Нет.

– Хорошо. – Скрипнули пружины – декан сел на незанятую кровать. – Во всем этом происшествии меня радует только одно: что ни один из вас не применил магию против другого. Вы пока недостаточно много знаете, чтобы понять смысл моих слов, но со временем поймете, что магия открывает путь мощнейшей энергии, для управления которой требуется холодный, бесстрастный ум. Тот, кто действует в гневе, вредит себе самому гораздо больше, чем своему противнику. Некоторые чары, если потерять над ними контроль, овладевают человеком и превращают его в ниффина, в дух, в сгусток волшебной энергии.

Фогг взирал на них обоих с суровой сдержанностью – фу-ты, как театрально. Квентин упорно смотрел в потолок, обитый листами жести. Совесть трепыхалась внутри, как огонек сальной свечки. До того, как лезть в драку, надо было просто сказать: брось, Пенни, кончай дурью маяться.

– Послушайте меня, – снова заговорил декан. – Большинство людей слепы к магии. Мир для них пуст, жить им скучно, и с этим ничего не поделаешь. Тоска гложет их, делая мертвецами задолго до физической смерти. Вам же выпало великое счастье жить в мире магии, и если вы хотите поскорей умереть, то можете сделать это многими способами, не убивая друг друга.

– Нас накажут, сэр? – спросил Пенни, когда Фогг встал.

Накажут? Парень, похоже, забыл, что здесь не средняя школа. Декан задержался у двери – его светящийся палец начинал гаснуть.

– Да, Пенни. Шесть недель будешь мыть посуду после обеда и ланча, а если подобное повторится, тебя исключат. Что до тебя, Квентин... – декан помолчал немного, – учись себя контролировать. В будущем такие проблемы мне не нужны.

Дверь за Фоггом закрылась. Квентин перевел дух, закрыл глаза, и палата, снявшись с причала, поплыла в море. Может, Пенни влюбился в Элис, предположил он без особого интереса.

– Обалдеть, – сказал, как маленький, Пенни – перспектива ходить полтора месяца с пальцами, сморщенными от горячей воды, кажется, не особо его волновала. – Слышал, что он сказал про магию, которая овладевает тобой? Ты знал?

– Пенни, слушай сюда. Во-первых, ирокез у тебя идиотский. Во-вторых: не знаю, как там принято у тебя дома, но если ты снова выкинешь такое, из-за чего меня могут послать назад в Бруклин, сломанным носом дело не ограничится. Я тебя, сволочь, убью в натуре.

Физики

Прошло полгода, настал сентябрь. Квентин и Элис, только что перешедшие на третий курс, пытались проникнуть в викторианский флигель примерно в полумиле от Дома. Белый миниатюрный домик с серой двускатной крышей мог служить людской, коттеджем для гостей или просто складом садовых орудий.

Чугунный флюгер в виде свиньи показывал что угодно, кроме направления ветра. В окнах ничего нельзя было рассмотреть, но Квентину чудились внутри голоса. Стоял этот коттедж на краю сенокосного луга.

Осеннее солнце светило высоко на послеполуденном небе. Заржавленный сельскохозяйственный агрегат потонул в траве, для косябы которой предназначался.

– Да фигня. Постучи еще раз.

– Сам стучи. – Элис чихнула. – Я уже двадцать ... – Она снова чихнула – у нее была аллергия на пыльцу трав.

– Будь здорова.

– Двадцать минут стучу. Спасибо. – Она высморкалась. – Они там, просто открывать не хотят. И что теперь, спрашивается, делать?

– Не знаю, – подумав, ответил Квентин. – Может быть, это тест.

В июне, после сдачи экзаменов, второкурсников стали вызывать по одному в класс для ПЗ. Каждый оставался там часа по два, если не дольше – процедура длилась три дня, и все веселились, как в цирке. Почти все студенты – а возможно, и преподаватели тоже – относились к принципу специализации очень неоднозначно. Выбор дисциплины насильственно делил студентов на узкие группы, которые из-за слабости теоретической базы изучали, в общем, одни и те же предметы. Но традиция есть традиция – магическая бар-мицва, как выражалась Элис.

Ради такого случая лабораторные шкафы опустошили, уставив столы старинными приборами из дерева, серебра, латуни и мутных стекол. Чего там только не было: колбы, мензурки, калибры, часы, лупы, запыленные склянки с колеблющейся ртутью и другими, не столь узнаваемыми субстанциями. Брекбиллс использовал в основном викторианскую технологию – и не только из любви к старине; электроника, сказали Квентину, которая делалась в присутствии магических сил, становится непредсказуемой.

Руководила цирком профессор Сандерленд. Квентин как мог избегал ее после того репетиторского кошмара и почти излечился: желание запустить руки в ее волосы мучило его уже меньше.

– Одну минуточку! – весело сказала она, укладывая в бархатный футляр серебряные, острые на вид инструменты. – Так, хорошо. – Она защелкнула замочек футляра. – Все в Брекбиллсе наделены магическими способностями, но каждый имеет индивидуальную склонность к какой-то отдельной отрасли магии, – протараторила она, как демонстрирующая спасательную технику стюардесса. – Это зависит от места рождения, от фазы луны и погоды в тот момент, от склада вашей личности и массы других деталей, в которые мы не будем пока вникать. Профессор Марч с удовольствием предоставит вам список примерно из двухсот факторов; специализация, мне кажется, его специальность.

– А ваша?

– Она связана с металлургией. Еще вопросы?

– Да. Зачем нужно это тестирование? Нельзя разве определить дисциплину по дате рождения и всему прочему?

– Можно – теоретически. На практике это тот еще геморрой. – Она с улыбкой заколола свои светлые волосы, и угасшая было страсть вновь пронзила Квентину сердце. – Действовать методом индукции куда проще.

Вложив по бронзовому скарабею в каждую руку Квентина, она попросила его прочесть наизусть алфавит – сначала греческий, потом древнееврейский (здесь не обошлось без подсказок). Все это время она рассматривала его в нечто похожее на складной телескоп. Чувствуя, как потрескивают и жужжат от ее чар бронзовые жуки, Квентин боялся, что они вот-вот задрыгают ножками. Иногда она просила его повторить ту или иную букву, одновременно подкручивая прибор.

– Так-так... – Она поставила перед ним сосенку-бонсай. Квентин смотрел на деревце то под тем углом, то под этим, пока оно не взъерошило иголки под несуществующим ветром. Сандерленд отошла в сторону, посоветовалась с растением и объявила:

– Одно ясно: ты не ботаник.

За час она провела с ним еще дюжины две разных тестов, далеко не все из которых он понимал. Сначала базовые чары первого курса оценивались с помощью целой батареи приборов, затем Квентину пришлось читать заклинание перед часами, где одна из семи стрелок невероятно быстро двигалась в обратную сторону. Это испытание исторгло у профессора тяжкий вздох. Несколько раз она снимала с полок объемистые тома и долго в них рылась.

– М-да... интересный случай.

Жизнь – это цепь унижений, подумал Квентин.

Он раскладывал на кучки перламутровые пуговицы разной формы и цвета, а профессор наблюдала за его отражением в серебряном зеркале. Затем она решила исследовать его сны и дала ему выпить глоток шипучего, отдающего мятой зелья.

Сны, как видно, не открыли ей ничего нового. Она долго, подбоченясь, смотрела на Квентина. Потом улыбнулась, заправила за ухо прядку волос и сказала:

– Поставим эксперимент.

Переходя от окна к окну, она начала закрывать пыльные деревянные ставни. Потом убрала все с грифельной столешницы, села, накрыла юбкой колени и пригласила Квентина сесть на другой стол, напротив.

– Сделай так, – сказала она, вскинув руки на манер дирижера. Под мышками у нее проступили некрасивые потные полукружия. Квентин сделал.

Вслед за ней он проделал серию жестов, знакомых ему по задачику Поппер – новой была только последовательность, в которой они выполнялись. Сандерленд шептала какие-то слова, но он их не слышал.

– Теперь так. – Она воздела руки над головой.

Когда Квентин сделал то же самое, из его пальцев посыпались крупные белые искры – можно было подумать, что они сидели в нем всю его жизнь, только и дожидаясь, чтобы он сделал правильное движение. Они порхали по темной комнате, отскакивали от пола и гасли. Руки у него стали теплыми, ладони покалывало.

Испытывая почти до боли острое облегчение, Квентин попробовал снова, но из пальцев вылетело всего несколько искр, а на третий раз – только одна.

– И что это значит? – спросил он.

– Понятия не имею, – ответила Сандерленд. – Остаешься под вопросом – на будущий год опять попытаемся.

– На будущий год? – повторил разочарованный Квентин. Сандерленд принялась открывать ставни, и он прищурился от хлынувшего в комнату солнца. – А до тех пор что мне делать?

– Ждать. Так бывает – не нужно придавать этому слишком большого значения. Пригласи, пожалуйста, следующего – мы уже отстаем от графика, а теперь только полдень.

Лето тянулось медленно. В Бруклине, куда Квентин отправился на каникулы, была, разумеется, осень – бурая листва устилала улицы, раздавленные плоды гинкго пахли блевотиной.

Он скитался по родному дому как призрак. Материализация требовала усилий, и родители выглядели слегка удивленными каждый раз, когда фантомный сын требовал их внимания. Джеймс и Джулия уехали в колледж, и он подолгу гулял в одиночестве. Навещал разветвленный, извилистый канал Гознус, ярко-зеленый от воды из отопительных труб. Кидал тяжелый и какой-то неживой мяч в корзинки без сеток на пустых дворах с застоявшимися в углах лужами. Настоящая жизнь осталась совсем в другом месте. Он обменивался электронными письмами с Элис, Элиотом, Сурендрой, Гретхен. Листал заданную на лето «Историю магии», написанную еще в XVIII веке. Книга, хотя и казалась снаружи тонкой, насчитывала благодаря некой библиотечной магии 1832 страницы.

Но настал ноябрь, и в учебном пособии обнаружился кремовый плотный конверт. Карточка с тисненым гербом Брекбиллса предписывала вернуться обратно в шесть часов вечера через узкий, всегда пустой переулок у Первой Лютеранской церкви в десяти кварталах от дома.

В назначенное время он явился по указанному адресу. Солнце в это время года закатывалось в четыре тридцать, но погода была неожиданно мягкая, почти теплая. Квентин стоял у входа в переулок, боясь, что из церкви выйдет какой-нибудь сторож и скажет, что здесь стоять не положено – или, того хуже, предложит ему духовную помощь. Мимо, тихо шурша, пролетали машины. Никогда он еще не был так уверен, что Бруклин – единственная существующая реальность, а все случившееся с ним за последний год только доказывает, что скука повседневного бытия окончательно сорвала ему крышу. Две дорожные сумки, поставленные бок о бок – темно-синие с шоколадной окантовкой, брекбиллские цвета – занимали всю ширину переулка. Квентина мучило сознание, что через тридцать секунд он упрется в тупик на другом конце.

Но тут на него пахнуло теплым ароматным воздухом позднего лета. Застрекотали сверчки, и он, схватив тяжелые сумки, бегом помчался в зеленый, открывшийся ему простор Моря.

И вот теперь, в первый день учебного года, они с Элис осаждали белый коттедж, где каждый вторник собиралась группа физической магии.

Элис зачислили туда еще на консультации благодаря ее способности манипулировать светом – такие маги назывались фосфоромантами. Квентина в эту группу, самую малочисленную из всех, воткнули временно, до прояснения его подлинной специальности. Первый семинар назначили на 12.30, и они пришли вовремя, но сейчас было почти уже пять часов. Они замаялись от жары и жажды, но сдаваться не собирались. Требовалось, похоже, как-то войти в этот дом, чтобы стать полноправными физиками.

Они уселись в тени развесистого бука, равнодушного к их стараниям. Серый корень горбом выпирал между ними.

– Что предлагаешь? – скучным голосом спросил Квентин. В предвечерних лучах плясали пылинки.

– Не знаю. – Элис чихнула в очередной раз. – А ты?

Квентин выдернул пару травинок. Из дома донесся смех. Если в виду имелся какой-то пароль, они его не нашли, хотя битый час просвечивали дверь разными спектрами, от инфракрасного до гамма-лучей. Ничего не добившись, они стали отколупывать краску, и Элис применила графологические чары к структуре дерева – снова безрезультатно. Попытка взломать замок с помощью чар-отмычек тоже успеха не принесла. Наколдованный совместно топор,

противоречивший всем мыслимым правилам, даже не поцарапал проклятую дверь. Может, она вообще иллюзорная, предположила Элис – но дверь и на вид, и на ощупь была настоящая, и они не могли определить, какие чары ее охраняют.

– Нашли себе Гензеля и Гретель с пряничным домиком, – пробурчал Квентин. – Чуял я, что физики крутые ребята.

– Через час обед, – заметила Элис.

– Я не пойду.

– Сегодня барашек под розмарином, картофель дофин... – Эйдетическая память Элис удерживала и такие детали.

– Может, устроим свой семинар, снаружи?

– Да уж, это их впечатлит, – фыркнула Элис.

Сено на лугу убрали, оставив только края; от огромных коричнево-желтых стогов падали длинные тени.

– Ты кто у нас, фотомант?

– Фосфоромант.

– И что сие означает?

– Сама пока точно не знаю. Летом практиковалась в фокусировании, рефракции и прочем. Если направить свет в обход какого-нибудь предмета, тот делается невидимым, но хотелось бы сначала понять почему.

– Покажи что-нибудь.

– Я почти ничего не умею, – тут же застеснялась она.

– Да ладно тебе. У меня вон даже специальность определить не смогли – я нифиганемант.

– Это временно. Искры же ты пускал.

– Нечего прикалываться над моими искрами. Давай, сделай предмет невидимым.

Она скривилась, но все-таки привстала, подняла руку, растопырила пальцы. Они стояли на коленях лицом к лицу, и он вдруг обратил внимание на полную грудь под тонкой, с высоким воротником блузкой.

– Следи за тенью. – Элис пошевелила пальцами, и тень от ее руки вдруг исчезла, рассыпавшись радужными огнями.

– Здорово.

– Где там. Жалкое зрелище. – Она отряхнула руку от чар. – Невидимой должна стать вся рука, но получается только с тенью.

Вот она, физическая магия, встрепенулся Квентин. Это тебе не танцы с древесными феями, тут нужна грубая сила.

– А наоборот можешь? Навести луч, как через увеличительное стекло?

Элис тут же сообразила, к чему он клонит.

– Гмм... кажется, у Калвча и Оуэна что-то про это есть. Локализация, стабилизация.

Сложив большой и указательный пальцы колечком, она проговорила в него пять длинных слов. Свет внутри кольца заколебался, искажая попавшие в фокус траву и листья, и свелся в ослепительно-белую точку. Квентин отвел глаза. Элис переместила руку, и земля внизу задымилась.

– Если меня вышибут из Брекбиллса по твоей милости, я убью тебя, понял? В самом буквальном смысле: сделаю так, чтобы ты умер.

– Смешно. Когда Пенни меня ударил, я ему сказал то же самое.

– Ты сказал, а я сделаю.

Они с Элис решили прожечь дверь коттеджа. Если это тест, рассудил Квентин, его надо пройти – не важно, каким именно способом. Правил им не сообщили, поэтому о нарушении речь не идет. А если весь дом заодно сгорит, так Элиоту с его компашкой и надо.

Действовать приходилось быстро: солнце уже слабело, и нижний его ободок близился к деревьям за лугом. Стало немного прохладнее; в коттедже зажегся свет и, как показалось Квентину, хлопнула пробка.

Элис подняла округленные руки над головой, словно удерживая большую корзину. Магическое увеличительное стекло, созданное ею таким образом, насчитывало в диаметре дюжину ярдов, и верхний его край приходился вровень с буком, выше трубы коттеджа. Квентин определял его границы по дифракции воздуха. На точку накала невозможно было смотреть.

Когда Элис стала в пятидесяти ярдах от двери, Квентин, держа руку щитком, стал выкрикивать указания:

– Выше! Ага... помедленнее! Еще! Все, хорош!

Жар коснулся его лица, запахло дымом и тлеющей краской. Эту дверь явно не позаботились заговорить от огня. Они боялись, что закатное солнце будет плохим помощником, но канавка в дереве успешно росла. Дверь решено было резать по горизонтали, и луч прожигал ее если не насквозь, то близко к тому. Хуже было то, что Элис нетвердо держала цель: однажды луч отклонился и прожег ямку в стене.

– Чувствую себя полной дурой, – сказала она. – Как там дела?

– Нормально!

– Спину больно. Долго еще?

– Нет! – соврал Квентин – оставалось еще около фута.

Элис, компенсируя убывающую энергию солнца, расширила радиус. Квентин, не знавший толком, что она шепчет – заклинания или ругательства, – заметил, что за ними, прервав вечернюю прогулку, наблюдает седовласый профессор Бжезинский. Он специализировался по зельям, вечно ходил с пятнами на штанах и в прошлой жизни экзаменовал Квентина посредством развязывания узлов. Бжезинский держался очень прямо, носил толстые свитера и курил трубку в стиле электронщика 50-х годов.

Ну все, подумал Квентин, прощай колледж. Однако профессор всего лишь вынул трубку из рта, сказал «продолжайте» и ушел назад к Дому.

Минут через десять Элис разрезала дверь до конца и тем же манером вернулась обратно. Разрез светился багровым огнем.

– Ты испачкался, – сказала она и стерла со лба Квентина сажу.

– Может, еще разок пройтись, для пущей уверенности? – Идей у него больше не было – будет плохо, если не сработает эта. Не ночевать же здесь, в самом деле, и в Дом побежденными тоже не хочется возвращаться.

– Света недостаточно. – Элис, похоже, совсем обессилела. – Под конец линза расширилась где-то до четверти мили. Если взять еще шире, она начинает рушиться по краям.

Четверть мили? Сильна подруга.

В животе у него урчало, небо наливалось густой синевой, обгоревшая дверь выглядела хуже, чем он полагал. Элис провела обратный разрез нечетко, канавка местами двоилась. Если они напортачили, она его точно убьет.

– Ну что, вышивать?

Элис задумчиво сморщилась.

– А вдруг за ней кто-то есть?

– Тогда сама говори, что делать.

– Не знаю... – Она потрогала канавку там, где та успела остыть. – Почти насквозь, кажется.

На двери имелся молоток в виде руки, держащей чугунный шар.

– Ладно, отойди.

Господи, только бы получилось. Квентин уперся в дверь ногой, испустил вопль, как восточный единоборец, и вложил всю свою тяжесть в удар молотком. Верхняя половинка двери рухнула, не оказав никакого сопротивления, а он по инерции плюхнулся на дорожку.

В теплом свете, льющемся из коттеджа, обрисовалась девушка с четвертого, кажется, курса. Держа в руке бокал с красным вином, она смотрела на Квентина без всяких эмоций. Элис, прислонившись к стене, заливалась беззвучным хохотом.

– Обед почти готов, – сообщила девушка. – Элиот сделал соус аматричьяна. Гванчиале¹² мы не достали, но, по-моему, и обычный бекон сойдет – как вы думаете?

В камине, несмотря на теплый вечер, трещал огонь.

– Шесть часов двадцать минут, – из кожаного клубного кресла сказал толстый парень с волнистыми волосами. – Почти норма.

– Назови им свое время, Джош, – предложила девушка – звали ее, кажется, Дженет.

– Двадцать тридцать одна. Самая длинная ночь в моей жизни. Не рекорд, но близко к тому.

– Мы думали, он уморит нас голодом. – Дженет, разлив по двум бокалам оставшееся в бутылке вино, подала их Элис и Квентину. На полу стояли еще две пустые бутылки, но непохоже было, что физики сильно наклюкались.

Происходило все это в порядке запущенной, но уютной библиотеке. На полу лежали истершиеся ковры, единственным освещением служили камин и свечи. Внутри дом был просторнее, чем казался снаружи, и в нем было прохладно, как и положено осенью. Книги, не поместившиеся на полках, лежали штабелями в углах и на каминной доске. Ценная, но разрозненная мебель нуждалась в ремонте, на стенах между книжными шкафами висело то, что обычно видишь во всех частных клубах: африканские маски, унылые пейзажи, застекленные ящички с картами, медалями и усохшими трупиками экзотических ночных бабочек, добыча коих определенно стоила больших сил и расходов.

¹² Бекон из свиной щековины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.